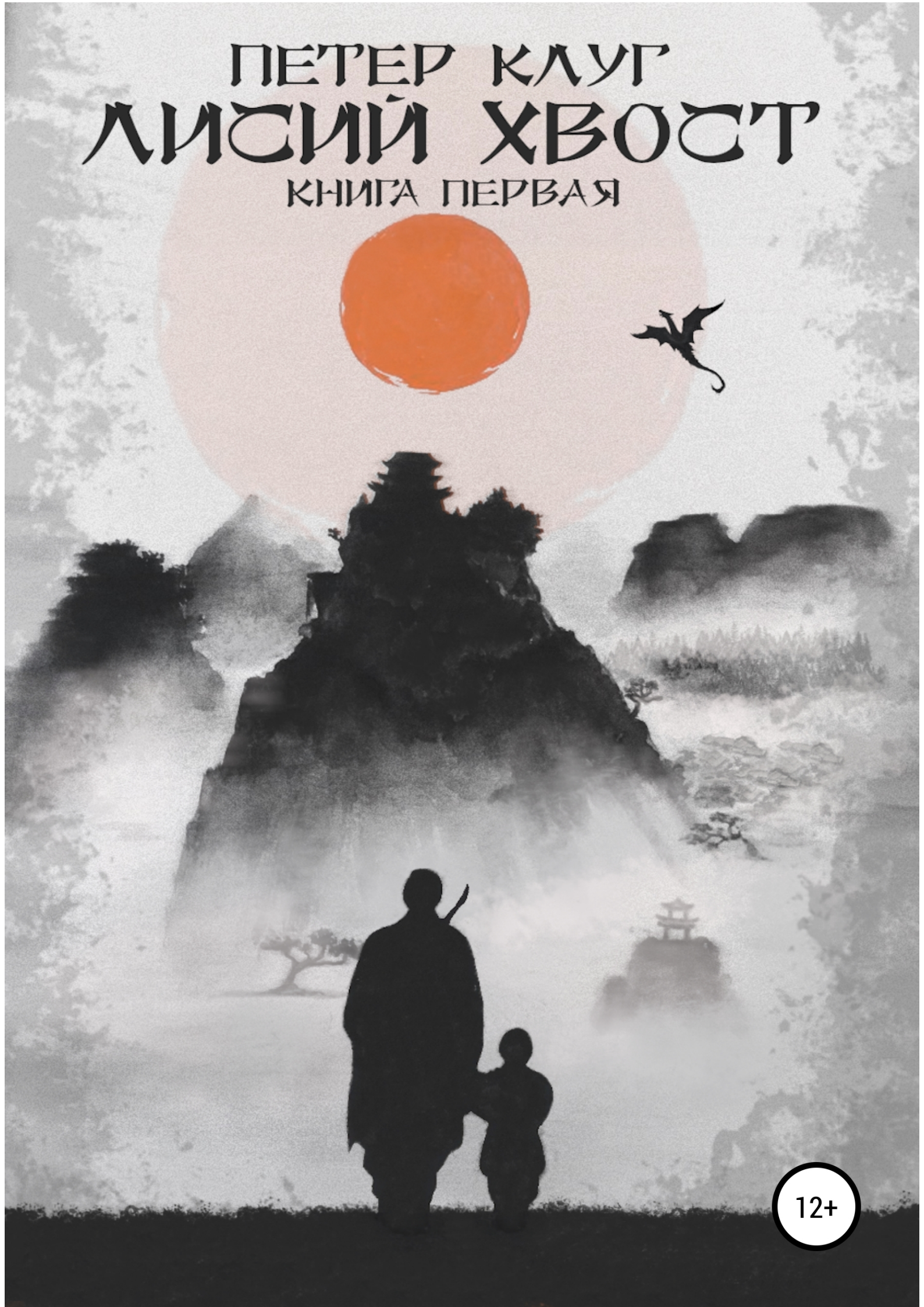

ПЕТЕР КЛУГ
ЛИСЬИЙ ХВОСТ
КНИГА ПЕРВАЯ

12+

Петер Клуг
Лисий хвост

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Клуг П.

Лисий хвост / П. Клуг — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Против человеческого вероломства порой не могут устоять не только любовь, но и даже мистические миры. Разрушено, еще вчера казавшееся незыблемым, семейное счастье. Отцу с маленьким сыном нужно срочно скрыться от могущественных родственников. А чтобы помочь ребёнку победить животное начало, доставшееся от матери-оборотня, придется искать помощи чародейки в далеких землях, где сокрыты древние тайны происхождения мира, многие века хранимого драконами. Магия и превращения, путешествия и приключения, сражения и дворцовые интриги, любовь, отчаяния, потери и новые надежды.

© Клуг П., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

I	5
II	9
III	14
IV	18
V	22
VI	29
VII	34
VIII	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

I

Снежинки медленно плыли в воздухе. Был хмурый день поздней осени, когда с самого утра не видно солнца, и уже в полдень кажется, что наступил вечер. И вот такой вечер длится весь день и потом начинает медленно перетекать в ночь.

Хлопья снега парили в воздухе, крупные и красивые, опускаясь на небольшой караван кочевников, ползший по бескрайней степи. Два десятка кибиток и фургонов с женщинами, стариками и детьми да нехитрым скарбом, и полсотни всадников, в основном мужчин. Какой-то небольшой клан передвигался в поисках лучшей стоянки, где будет больше корма для скота: довольно крупной для немногочисленного числа людей отары овец и приличного стада коров. Скот следовал тут же, подгоняемый пастухами верхом на низкорослых лошадках да лохматыми собаками. Караван растянулся шагов на пятьсот, не меньше, но при этом всё равно терялся в необъятной степи.

Снег постепенно набирал силу и начинал идти плотнее. Благо, что ветра почти не было, иначе это была бы метель не на шутку. Но темнело всё больше, и кто знает, какая погода будет ночью? Не хотелось бы угодить в ночную метель.

Глава отряда, плотный мужчина лет сорока с серьёзным и выразительным лицом, поглядывал на своих подопечных. Он видел вдалеке на западе гряду холмов и очень хотел добраться туда до наступления темноты. Под защитой холмов метель, если она разразится, будет переждать намного легче. Можно будет встать под каким-нибудь склоном, собрать скот в одну кучу, окружить кибитками, и в целом неплохо устроиться. Если повезёт, найдётся уютная долина или распадок, где ветер почти не достанет.

С другой стороны – они могут и не успеть к наступлению ночи добраться до холмов, или же не найдут стоящего укрытия. Так может, лучше сейчас, пока ещё есть время, расставить кибитки в круг, согнать в центр скот... Можно даже успеть поставить юрты и переждать ночь с относительным удобством.

Так он смотрел то на свой караван, то на гряду холмов в отдалении, куда закатывалось солнце, то на потемневшее на севере небо, предвещающее непогоду.

– А ну-ка, давайте быстрее! – крикнул он, привстав в седле. – Давайте-ка шевелитесь, а то спите на ходу! Ты, господин, тоже давай шевелись! Увязался с нами, так делай, что все делают!

Последняя фраза относилась к всаднику, который ехал рядом с одной из кибиток. На первый взгляд, он выглядел, как и все кочевники в степи – меховая шапка с ушами, овечья шуба мехом наружу, стёганные тёплые штаны, сапоги на собачьем меху с приподнятыми вверх носками. И лошадь такая же, как у всех – низкорослая, с лохматой нестриженной гривой. Но его лицо было намного светлее и менее загрубевшее, чем у спутников, да и черты его были тоньше и благороднее. Можно было понять, что это действительно господин, не утруждавший свои руки тяжёлым трудом и не подставлявший своё лицо солнцу и ветру изо дня в день. Впрочем, держался он в седле очень хорошо, но скорее держался как воин, а не как пастух.

В ответ на призыв главы клана он коротко кивнул и пришпорил коня. Возница повозки, которую он сопровождал, стегнул лошадей и покатыл быстрее. Весь караван среагировал на слова своего предводителя и пополз заметно скорее, подтянулся и сосредоточился.

Вождь клана Мэргэн довольно кивнул и чуть улыбнулся в бороду. Его настроение улучшилось, и он ощутил потребность с кем-нибудь поболтать. Всех своих родичей он знал слишком давно и хорошо, а вот чужак его интересовал. Мэргэн придержал коня и дождался, когда благородный чужестранец поравняется с ним.

– Что, господин Хáру, нравится вам погодка? Там, откуда вы родом, наверное, не бывает снегопадов, а?

– Нет, Мэргэн, не бывает. От снегопадов нас отделяет море. Бывает редко снег, но он быстро тает и не лежит, как у вас, сплошным покровом.

Хару отвечал вежливо, но не очень охотно. Заметил Мэргэн это или нет, но он не отстал и продолжил донимать собеседника:

– Вот никак я не пойму, господин Хару, на кой чёрт вам понадобилось с нами переться? И ведь не просто с нами за компанию, а настаиваете, чтобы мы уходили всё дальше и дальше на запад. Надо бы вам сказать, что так далеко кочевники никогда не уходят, как мы ушли. Вы ведь не степняк, да ещё и с ребёнком. С каждым днём мы движемся всё дальше, здесь, кроме нас, и нет никого. Сколько уж дней прошло, как мы кого-то встретили? А вы-то ведь к хорошей жизни приучены, да и не привычны так долго в седле болтаться. Ну, скажите мне, господин, объясните мне!

Около двух с половиной месяцев назад, когда осень ещё только-только вступала в свои права, Хару обратился к Мэргэну со странной просьбой взять его с собой в кочевье. Это происходило в маленьком городке на берегу большой реки, называемой Степная Мать. Городок этот, не принадлежащий никому, носил имя Сатыш, и в нём не имелось ни одной постоянной постройки, лишь множество юрт да фургонов, превращённых в жильё. Это было место, где пересекались пути кочевников, чем пользовались торговцы из цивилизованных стран. Скорее Сатыш можно было назвать огромным торжищем, чем городом в привычном понимании этого слова.

Мэргэн, прежде чем пуститься в далёкий путь по степи на многие месяцы, а то и годы, вёл там кое-какую торговлю шерстью, скотом и шкурами. Когда Хару обратился к нему, он рассмеялся и подумал, что это такая шутка заевшегося аристократа. Но серьёзное лицо и увесистый мешочек золота говорили вполне определённо.

Мэргэн был честным человеком. Хару производил хорошее впечатление. Что же, если хочет путешествовать, пусть отправляется с ними. Тогда Мэргэн взял мешочек в руки, прикинул его вес, раскрыл и отсыпал примерно две трети монет себе в руку. Деньги были разносортные, золотые и серебряные, с изображениями парящего дракона, головы оленя и тигра на скале. Оставшиеся он протянул обратно Хару.

– Ты даёшь слишком много, господин. Возьми обратно, твоё место в моей юрте не стоит так дорого.

– Хорошо, но я не один, – отвечал Хару, протягивая полегчавший мешочек обратно Мэргэну.

– Кто же с тобой?

– Ребёнок, и ему нужно не только место в юрте, но и хорошая еда.

– Ребёнок? – удивился Мэргэн. – Сын, что ли?

– Сын, – кивнул Хару.

– Сколько ему лет?

– Пять с небольшим.

– Значит, кормилица не нужна. Это хорошо. Ладно, сын так сын, но учти, переход может быть тяжёлым, дети порой умирают в степи.

Хару пожал плечами.

– У нас с сыном нет выбора. Нам нужно дальше в степь, дальше на запад.

– На запад? Просто на запад? Но ты ведь знаешь, что там ничего нет, кроме нескончаемой степи? Мы редко кочуем в ту сторону, а если и кочуем, то не забираемся далеко.

– Да, я слышал об этом. Но я прошу тебя именно об этом направлении. Быть может, не только я, но и ты со своими людьми найдёте на западе что-то хорошее.

– Ладно, это направление ничуть не хуже, чем все другие. Твой сын поедет с моей женой в кибитке. У неё тоже сын такого же возраста, так им будет веселее и теплее. Ты прибыл сюда на барже по реке?

– Да, вместе с купцами. Поэтому у меня нет ничего, что необходимо для дальнейшего путешествия.

– Это не беда: в Сатыше ты можешь купить всё, что только может тебе понадобиться, были бы деньги. А они у тебя есть.

Они пожали друг другу руки. Потом степняк помог Хару приобрести для странствия по степным просторам лошадей, небольшую походную юрту и прочий скарб.

Тот разговор состоялся уже давно, но Мэргэн пока так и не понял толком, с какой стати этот чужестранец захотел ехать с ними.

Мэргэн отодвинул войлочный полог кибитки и заглянул внутрь. Его жена дремала на козлах рядом с пожилым возницей, так что внутри находились лишь двое детей. Они лежали обнявшись посреди кучи вещей, укрытые шкурами, и спали.

– Сразу и не разберёшь, кто из них твой, кто мой, – улыбнулся Мэргэн.

Хару тоже заглянул в повозку и тоже улыбнулся.

– Так что? Скажешь уже? – не отступал Мэргэн. – Что тебе здесь надо?

Хару вздохнул.

– Скажу, что мне надо как можно дальше на запад, а сам я в одиночку такой путь осилить не могу.

– Мы уже очень далеко на западе. Но ты сам видишь, что здесь нет ничего, кроме степи и пастбищ для скота. Не для этого ты приплыл сюда со своих островов и тащился до самого Сатыша. Ну?

– Я ищу кое-кого здесь, – нехотя отвечал Хару. Снежинки таяли на щеках, это было непривычно и щекотно. Вопросы Мэргэна не были неприятны ему, но и отвечать на них не очень-то хотелось. Впрочем, Хару понимал, что рано или поздно отвечать всё равно придётся, и придётся рассказать о цели путешествия. Может быть, не всю правду, всю её он и сам не знает, но что-то убедительное и достаточное. Мэргэн показал себя честным и порядочным человеком, он может действительно помочь.

– Я кое-кого ищу. Далеко-далеко на западе, где степь кончается, лежит большое озеро и начинается великая река. Мне говорили, что там живёт одна ведунья, или колдунья, не знаю, как правильнее её назвать.

– Шаманка, наверное, – проворчал Мэргэн. – И зачем она тебе? Ни ты, ни твой сын больными не выглядите. Да и вообще, описание места, которое ты дал, больше на сказку походит. Кто это видел конец степи?

– Я видел его, да и ты тоже. Там, где начинается море. Если степь кончается на востоке, то, вероятно, кончается она и на западе. А к этой ведунье у меня есть вопросы. Было кое-что в моей жизни, что заставляет меня искать ответ. Думаю, что она сможет помочь мне.

– Ну и вопросы же у тебя, господин чужеземец, что ты не смог найти на них ответы ни у себя на островах, ни в Империи Дракона. Там разве мудрецов нет?

– Таких нет. Меня к ней направили. А ты слышал о ней?

– Не знаю, что и сказать... Говорят, что где-то на закатной стороне и вправду живёт одна мудрая женщина. Зовут её Билигма, но добраться до неё очень сложно. Многие дни придётся провести в пути, однако она сама решает с кем встретиться, а с кем нет. Так что можно долго плутать в степи где-то рядом с нею, но так и не увидеть её. Степь необъятна, и где ты найдёшь одинокую юрту между озером и истоком реки? Не забывай, что расстояния здесь меряют днями.

– Поэтому я и хочу остаться с тобой. Всё равно, каждый день пути приближает меня к ней. Когда-нибудь да найдём её.

– Или отдаляет. Может, мы уже миновали её юрту, и она уже позади?

– Нет, – убеждённо ответил Хару, – мы её ещё не достигли. Я бы почувствовал. Мой сын Шима почувствовал бы.

Мэргэн пожал плечами. Чужак странный, но он испытывал к нему какое-то расположение. Всё-таки нужно быть смелым человеком, чтобы вот так отправиться в путь по степи, да ещё и с маленьким сыном. Они же не кочевники, им здесь всё непривычно. При этом ни Хару, ни Шима не доставляли никаких дополнительных хлопот. Чувствовалось, что хоть в степи они и не провели много времени, но путешествовать им не впервой. Ну и пусть едут, коли охота.

Мэргэн вновь приподнял полог кибитки. Теперь мальчики лежали порознь, у одного из них шапка сползла с головы, открыв волосы.

– Нет, не перепутаем мы своих сыновей. Только посмотри на своего, Хару! Никогда не видел таких волос!

И правда, шевелюра Шимы была очень необычна. Среди всех черноволосых степняков, островитян и жителей Империи его можно было с лёгкостью узнать по чёрно-рыжим волосам. При этом вся его голова не была рыжей, но ниже затылка, ближе к шее и на висках волосы начинали темнеть и становились такими же чёрными, как и у всех людей. Кроме того, на самой макушке среди ярких рыжих волос можно было найти и несколько белых волосков. Впрочем, когда Шима надевал шапку, его было не отличить от остальных сверстников. Чертами лица он походил на отца, однако порой на его детском лице проскальзывало нечто, чего Мэргэн никогда ни у кого не видел, и объяснить не мог.

Оба мужчины какое-то время ещё ехали рядом и говорили о своих сыновьях. Наползала темнота. Холмы на западе стали намного ближе, ещё час такой же езды, и караван достигнет их. Тучи с севера оказались не такими уж и страшными, снегопад не становился плотнее, даже ослаб, однако и ветер стал крепче. Понемногу начинала мести позёмка, но пока ничего страшного. Мэргэн был вполне доволен. Вскоре они доберутся до гряды холмов, укроются там, может быть, даже подыщут хорошее местечко и пробудут несколько дней.

Порывы ветра усилились, он задувал теперь с востока, где было темнее всего. На западе склоны холмов казались темнее, чем окружающая степь, но на вершины холмов пробивались кое-где снопы света от заходящего солнца. Светило, казалось, зависло прямо над холмами. Оно освещало окружающие тяжёлые облака, окрашивая их в тёмно-золотой цвет, переходящий в красный.

Караван двигался довольно быстро. И люди, и животные видели цель уже близко перед собой. Сзади их подгонял ветер и наступающая темнота, впереди было ещё светло, и ждал отдых.

Мэргэн поскакал вперёд. Обогнал всех, остановился, поджидая. Вдруг ему послышался звук, услышать который посреди степи найдётся немного желающих. Мужчина насторожился, снял шапку, чтобы лучше слышать. Он не ошибся и в первый раз, слух не подвёл его. Ветер доносил с востока волчий вой.

II

Мэргэн сплюнул и выругался. Только не хватало на ночь глядя встретиться с голодной волчьей стаей! По своему опыту глава клана знал, что не голодных волчьих стай не бывает. Он сталкивался со стаями разной величины, и почти всегда это не обходилось без потерь скота. Как бы не старались его люди, как бы они не охраняли коров и баранов, но хищники всё равно умудрялись отбить хотя бы несколько голов.

Вождь осмотрелся. До гряды холмов оставалось совсем немного. Одно небольшое усилие – и всё. Нужно поспешить, намного лучше держать оборону от волков на вершине холма или прижавшись к крутому склону, чем посреди степи.

– Ну, вперёд! Быстро! Подгоняйте лошадей, гоните скот быстрее!

Другие кочевники, как видно, тоже услышали волчий вой. Все оживились, ударили лошадей пятками в бока, и начали подгонять скот громкими криками. Пастушьи собаки почуяли своих диких братьев и залаяли на подопечных громче и злее. Впрочем, и стадо ощутило приближающуюся опасность и не особенно нуждалось в том, чтобы его подгоняли. Караван явно прибавил в скорости.

Солнце тем временем почти коснулось горизонта, и его тёмно-золотой диск было хорошо видно среди поредевших на западе туч. Какое-то время все сосредоточенно подгоняли уставших животных и несколько сбавили шаг, лишь достигнув подножия холмов. Ближайший подъём казался довольно пологим, но вечером, почти в темноте, по свежему снегу, пришлось бы основательно потрудиться с повозками. Если бы не волчья стая, которая была где-то поблизости, можно было бы поискать удобный вход в какую-нибудь долину. Но сейчас времени на это уже не оставалось. У подножия холмов сумерки совсем сгустились, хотя по хмурому небу ещё ползли прощальные лучи солнца, и вершины холмов оставались пока освещены.

Мэргэн на минуту задумался.

– Эй, Мэргэн, посмотри вон туда! – крикнул ему Хару. – Мне кажется, это неплохое место для ночёвки.

Вождь посмотрел в сторону, куда указывал ему чужестранец, и повеселел. Шагах в двухстах от них один из высоких крутых и обрывистых холмов был совсем тёмным. Никто особенно не придавал этому значения, но воин Хару сразу понял, что эта темнота, скорее всего, говорит об отвесном склоне высотой в несколько десятков саженей.

– Отлично, все туда! – махнул рукой Мэргэн, быстро оценив преимущества новой позиции, – Скот гоните к самому склону холма! Оставьте место для большого костра. Кибитки расположите полукругом, чтобы они образовали стену и отгородили скот и людей! – командовал глава племени. – Быстро, быстро!

Все люди клана поняли замысел своего предводителя и действовали так скоро, как могли. Полчаса спустя весь скот и лошади были согнаны почти вплотную к склону холма, который, и правда, оказался почти отвесным, во всяком случае, взобраться по нему было бы крайне затруднительно. Все повозки и фургоны плотно расставили полукругом, замкнув пространство и образовав подобие укрепления.

– Огонь! Скорее!

Имевшиеся запасы дров уже сложили в основание костра. Здесь же нашлось несколько кривых лиственниц, которые тотчас срубили. Вскоре весёлое пламя осветило внутреннюю часть импровизированной крепости. Кое-кто даже начал устанавливать на свободных местах юрты для ночёвки.

Мэргэн облегчённо вздохнул. Вроде бы успели. Скот и люди в безопасности, можно переждать ночь, а завтра поутру двинуться дальше. Всё это время, пока люди были сосредоточены на обустройстве стоянки, никто особенно не вслушивался в то, насколько далеко раздаётся

волчий вой, и раздаётся ли вообще. Теперь в миг передышки люди слышали хищников совсем близко, не более чем в паре сотен шагов.

Несколько мужчин помладше закинули за спины луки, каждый взял по горящей ветви, после чего они взобрались на крыши кибиток. Там они, один за другим, поджигали свои стрелы и выпускали их в темноту в направлении волчьей стаи. Стрелы прочерчивали яркие светящиеся дуги на фоне темного неба и исчезали в ночи. Лишь на несколько мгновений пламя освещало пространство вокруг себя, а после – только небольшие огоньки отмечали места их падения. Лучники отбросили бесполезные теперь догорающие ветви как можно дальше от лагеря.

– Ну и как? Много их? – спросил Мэргэн.

– Много! Очень много! – с нескрываемой дрожью в голосе ответил один из дозорных, почти мальчишка.

– Дай я посмотрю! – крикнул вождь и взобрался на ближайшую кибитку. – Проклятье! И правда, их хватает! – воскликнул он, окинув взглядом степь.

Не более чем в полусотне шагов от них виднелось море горящих глаз, слышалось повизгивание и подвывание голодных хищников, почуявших добычу. Казалось, что все звёзды с неба сошли на землю, столь много мерцающих глаз виднелось в темноте. Всё это море из нескольких сотен волков постепенно смыкалось вокруг их кочевой крепости.

– Так! Все, кто может держать лук и стрелять, забирайтесь наверх, – приказал Мэргэн. – Держите огонь таким же сильным, как он есть, если понадобится, жгите юрты и всё, что горит. Утро ещё не скоро!

Мужчины, подростки и даже кое-кто из женщин поднялись на крыши кибиток и заняли позиции. Женщины остались внизу, продолжая следить за огнём. Старики и дети забились в одинокую юрту, которую только-только успели поставить.

Хару тоже забрался на крышу одного из фургонов и встал неподалёку от Мэргэна. Его лук разительно отличался от луков степняков. У тех луки были небольшими, изогнутыми, такой формы, чтобы было удобно стрелять из них верхом, не сбавляя скорости лошади. Лук Хару был высоким, немногим не достигая человеческого роста, и был намного более прямым. Могло показаться, такое оружие удобнее использовать для стрельбы стоя, однако оно было предназначено именно для всадников, а опытный стрелок мог бы пользоваться им и с лошади, и вообще из любого положения.

При этом накладывал стрелу на свой лук Хару не посередине, а заметно ниже. Стрелы у него также превосходили по длине стрелы кочевников и, вероятно, выстрел оказывался мощнее. «Такие стрелы могут пробить доспехи, – мелькнуло в голове у Мэргэна, – а он собирается тратить их на волков. Даже жалко как-то».

Хару посмотрел на море горящих глаз внизу, на мечущиеся тени волков, которые пока ещё продолжали держаться на отдалении.

– Мэргэн, если они нападут всей стаей, мы не сдержим их одними лишь луками. Прикажи людям взять копьё, а у кого есть, пусть возьмут мечи.

Мэргэн несколько мгновений помолчал, потом повернулся к лагерю и крикнул вниз:

– Эй, кто там! Раздайте всем копьё и сами вооружитесь, берите всё, что найдёте.

Хару покачал головой. Он знал, что кочевники предпочитают пользоваться стрелами и копьями, и редко вступают в рукопашную схватку. Наверное, почти у каждого из степняков меч есть, но при этом наверняка он будет в намного худшем состоянии, чем его же лук и копьё.

Свой меч и кинжал Хару уже удобно пристроил за кушаком, проходящим поверх шубы. Он думал сначала снять её, чтобы тяжёлая одежда не стесняла движений, но решил, что шуба может сослужить роль защиты, да и оставаться в холоде совершенно не хотелось.

Меч и кинжал Хару также разительно отличались от тех, какими пользовались в степи. Лезвия были чуть изогнуты, рукоятки удлинены так, что можно пользоваться ими и двумя руками. Их вид был изящен и притягивал взгляд красотой. Мэргэн невольно сравнил меч Хару

из отличнейшей стали со своим коротким и кривым, купленным много лет назад по сходной цене у какого-то купца. Сравнение оказывалось явно не в его пользу.

Тем временем волчья стая вплотную приблизилась к крепости из повозок. Отдельные звери бегали вдоль заграждений, выискивая, где можно было бы проскользнуть внутрь, но тщетно. Люди успели заделать возможные проходы между кибиток лавками и другим скарбом, какой сумели сыскать в своём нехитром хозяйстве. Основная куча хищников завывала и металась на небольшом пространстве прямо впереди укреплений, шагах в пятидесяти от них.

Люди бросали с крыш кибиток горящие ветви как можно дальше, так, чтобы между волками и ними появились хоть какие-то островки огня. К сожалению, говорить о создании полноценной огненной преграды не приходилось. Но пока и эти немногочисленные костерки сдерживали стаю, да и просто освещали место действия.

– Я полагаю, будет неплохо угостить их стрелами. Может, это их отпугнёт, – сказал Мэргэн и первым натянул лук, впрочем, не особенно стараясь прицелиться.

Остальные обороняющиеся также выстрелили. Люди посылали стрелы в шевелящуюся массу хищников, не выискивая точные цели. Почти все стрелы поразили кого-то, а мощная стрела из большого лука Хару прошла одного волка насквозь и остановилась в теле другого.

Предсмертный визг и вой раздался в темноте, скрывающей стаю, усилилась кутерьма. Несколько десятков стрел нашли свою добычу, но это не останавливало животных. Скачущая и метущаяся прорва приблизилась почти вплотную.

– Давай ещё! Стреляйте, не останавливайтесь!

Последовал ещё один залп, и вполне успешный, потом ещё, но кажется, стало даже хуже. Если до этого волки как будто ещё раздумывали и искали слабые места в заграждении, то теперь они взвыли от бешенства и сорвались вперёд. Возможно, если бы это была небольшая стая, то двумя-тремя залпами из луков её удалось бы отогнать. Но это было просто-таки волчье войско, лавина! Как будто кто-то умудрился собрать всех волков со всей близлежащей степи в одном месте.

Поток зверей хлынул, перемахнул через одинокие горящие ветки и достиг повозок. Кое-кто успел за это время послать ещё по одной стреле. Волки заметались в поисках дальнейшего прохода, не нашли ни одной лазейки и сгрудились внизу, подпрыгивая и клацая зубами.

Хару мысленно поблагодарил небеса за то, что кочевники пользовались высокими, в полтора человеческих роста, кибитками с большими и тяжеловесными колёсами. Стоя на жёсткой крыше повозки, люди возвышались над массой волков, хотя их разделяло не более сажени.

Люди продолжали стрелять из луков чуть не в упор, однако видимого воздействия это не приносило. Внезапно на соседней от Хару повозке, где стояли молодой парень и пожилой мужчина, раздался крик. Хару обернулся и увидел, что на крышу повозки запрыгнули два волка. Одного из них парень сбил копьём, но другой вцепился ему в плечо и уже валил на спину. Его напарник рубанул волка по голове мечом и спас паренька, однако тут на их же повозку запрыгнули ещё три хищника. Парень не успел подняться, как вновь был атакован. Мужчина не мог прийти ему на помощь, так как сам пытался совладать с двумя другими волками.

Хару держал в руках лук и тотчас послал стрелу в одного из волков. Мужчина не ожидал этого и несколько растерялся, когда длинная, чёрная стрела прошла врага насквозь и улетела куда-то вниз. Он замахнулся мечом на оставшегося волка, но не успел опустить его, как и этого постигла та же участь. С жалким воем он отлетел вниз к своим сородичам. Тут же мужчина двинулся на помощь пареньку, однако было уже слишком поздно.

Огромный волк с остервенением рвал тело паренька. Мужчина с криком ударил хищника по голове мечом, однако вместо того, чтобы пасть замертво или хотя бы отскочить в сторону, странный зверь медленно выпустил добычу и повернулся к нападавшему. Человек отошёл на шаг и весь собрался, готовясь к драке. Однако дальнейшее происходило вовсе не так, как мог бы ожидать кто-либо из людей.

Зверь медленно поднялся на задние лапы, выпрямился и встал почти ровно – жуткое подобие человека. При этом было совершенно очевидно, что существо не испытывает ни малейшего неудобства, стоя лишь на двух лапах.

– Дэв! – закричал в ужасе степняк и в отчаянии бросился на чудище.

Бой был коротким. Атака человека не имела ни малейшего успеха. Монстр был в полтора раза выше его и намного сильнее. Одним ударом он выбил меч из рук человека, а другим сбросил его вниз в стаю беснующихся волков. Крик несчастного почти мгновенно потонул среди рычания и визга.

Сложно сказать, сколько людей видели то, что происходило на крыше этой повозки. Дело в том, что чуть ли не на каждую из других волкам также удалось запрыгнуть. Повсюду кипел бой. Люди скидывали животных обратно вниз, кололи их копьями, рубили мечами и топорами. Многим хищникам, тем не менее, удалось прорваться в стан, где их пытались выловить и прикончить женщины и молодёжь. Пастушьи собаки отважно кидались на хищников. Раздавались крики боли и ярости, предсмертный визг и вой животных. Напуганный до смерти скот жалобно блеял и мычал, лошади тревожно ржали и сходили с ума от близости своих извечных врагов.

Пожалуй, лишь Хару, который ещё раньше обратил внимание на соседнюю повозку и вмешался в бой, рассмотрел это чудовище. Дэв – это легендарное создание, получеловек, полуживотное, дикое и заросшее плотной шерстью существо. Говорят, это потомки проклятых за какое-то ужасное преступление людей. Но что это за преступление, и кто подверг несчастных такому проклятию, не рассказывали даже старые сказки. Многие в цивилизованных странах не верят в их существование, но те, кто бывал в степи и забирался на север до Великих Лесов, знают, что дэвы вовсе не сказки. Хару некогда видел одного, хотя и при совершенно иных обстоятельствах. В любом случае, гадать, дэв это или нет, времени не было.

Хару послал в монстра стрелу, однако тот двигался стремительно, и стрела лишь вонзилась ему в лапу, но не свалила его. Чудище взвыло и ринулось на Хару прыжками, обломав стрелу и лязгая зубами. Хару отбросил лук и выхватил меч. Кинжал он вытащить не успел, зато успел лучше ухватиться за рукоять меча двумя руками.

Чудище прыгнуло на него, Хару увернулся и успел полоснуть зверя. Тот развернулся и встал на задние лапы во весь рост, пытаясь передними достать человека и придавить его подобно тому, как действует медведь. Длинные, острые когти с лёгкостью уложили бы кого угодно, однако Хару был опытным воином с прекрасным оружием. Он рубанул по одной лапе, ловко увернулся от другой и вонзил меч в живот зверя.

Дэв взревел в слепой ярости и вновь бросился на человека. Ничего не разбирая, не реагируя на удары меча, он рвался вперёд, пытаясь достать Хару когтями и зубами. Длинный меч становился бесполезен и неудобен, так как теперь противники слишком сблизилась. Хару мог бы отступить, чтобы получить необходимую свободу движения, однако он уже находился на самой кромке крыши и балансировал на краю. К счастью, это оказался край над лагерем, а не над волчьей стаей.

Изо всех сил Хару прыгнул назад, переворачиваясь при этом в воздухе. Через секунду он стоял на земле, выхватывая кинжал одной рукой и держа меч в другой. Ещё через секунду чудище, израненное, всё в крови, с обломком стрелы в лапе, приземлилось рядом и нанесло сокрушительный удар когтями. Хару увернулся, но недостаточно быстро, и удар всё же настиг его и повалил наземь.

Тут же он оказался придавленным тушей дэва и почувствовал его мерзкое, гнилостное дыхание. Однако, зверь умирал. Во время своей последней атаки он напал, преисполнившись такой яростью, что даже не ощутил, как кинжал Хару вошёл в его сердце.

Так они и лежали какое-то время: умирающий монстр, в последних силах ищущий горло человека, и Хару, задохнувшийся, придавленный, силящийся стряхнуть с себя тяжёлое тело

врага и отодвинуться от его всё ещё опасной пасти. Наконец, жизнь ушла из дэва. Он начал замирать, а тело его расслабляться.

Хару тщетно пытался освободиться, чувствуя, что ещё чуть-чуть, и он задохнётся под тяжестью отвратительного мёртвого тела. Силы оставляли человека, однако постепенно он всё же смог выпростаться из-под чудища и отползти прочь.

В пылу боя Хару не заметил, что и сам успел получить несколько серьезных ударов. Кое-где его спасла толстая зимняя одежда, но всё же длинные и острые когти рассекли её и достали до тела. Он начинал чувствовать сильную боль и слабость. В особенности давал знать о себе последний удар дэва, которым он свалил Хару. Удар пришёлся по виску, и хотя значительной раны не осталось, всё же он был столь силён, что теперь у Хару ужасно кружилась и болела голова.

Он поднялся, сделал несколько шагов и упал на колени. В полном бессилии откинулся на спину, на мгновение перед ним мелькнуло ночное небо, на котором между туч пробивались звёзды, и закрыл глаза. Сквозь опущенные веки он увидел сильнейшую вспышку света, после чего провалился в кромешную темноту.

III

Сначала была темнота, потом пронеслись какие-то, не лишённые приятности, образы. Хару, наверное, даже не смог бы точно определить, что именно он видел. Это были какие-то девушки, слышался смех, ветерок раздувал их длинные волосы. Потом он видел ласковое море и слышал шорох волн. Затем опять красотки, и особенно одна из них. Она не смеялась, как другие, лишь застенчиво улыбалась. Он погладил её по волосам, провёл рукой по спине и коснулся... хвоста. Хвост?

Хару не показалось это странным, тем более что хвост был рыжим и пушистым, очень приятным на ощупь. Он походил на лисий хвост и прямо-таки излучал уют и тепло. Хотелось запустить пальцы в нежный мех, закутаться в него и уснуть. Так Хару и сделал, и... проснулся.

Сон был ярок и осязаем. Хару открыл глаза в полумраке. Он не понимал, где находится. Тёмный морщинистый свод над ним медленно превращался в крышу юрты. Путы на руках и ногах, не дававшие шевельнуться, превращались в одеяла и шкуры, заботливо укрывавшие его по самое горло.

Долго-долго Хару лежал с открытыми глазами, не шевелясь, приходя в себя, собираясь с мыслями. Волшебные сны таяли и забывались. Хару вспомнил, что произошло с ним, битву с волками, схватку с чудищем. Видимо, всё закончилось благополучно, раз он лежит в постели, а не на голой земле в окружении хищников.

«Шима! Что с ним?!» – пронзила его стремительная мысль, и он резко откинул с себя одеяла и рванулся, чтобы встать. Тотчас голова его закружилась, и он рухнул со стоном обратно. Ему всё ещё было нехорошо, хотя и не настолько, как в злопамятную ночь.

– Эй, кто-нибудь! – позвал Хару.

Никто не откликнулся. Однако только теперь он по-настоящему прислушался к звукам, доносящимся снаружи. И услышал вполне мирный и дружелюбный шум: блеяние овец, мычание коров, лай собак, голоса взрослых и детей. Это значительно успокоило Хару, но всё же судьба сына продолжала волновать его, и он позвал вновь. На сей раз откликнулась какая-то женщина, проходившая мимо. Она заглянула в юрту, не переступая порога. Хару не помнил её имени, но хорошо помнил лицо. Она принадлежала к клану Мэргэна, и он нередко видел её во время путешествия, хотя почти и не разговаривал с нею.

– Что? Пришёл в себя? Очнулся? – то ли спросила, то ли удостоверилась она, и сию минуту пропала.

– Постой! – но силуэт уже исчез из прямоугольника входа.

Впрочем, теперь Хару недолго пробыл в одиночестве. Вскоре, старательно переступая порог юрты, вошло несколько человек. Хару, несмотря на слабость и головокружение, попытался приподняться на локте, чтобы рассмотреть вошедших.

– Лежи, лежи, – услышал он голос Мэргэна.

– Где Шима? Чем всё закончилось?

– Отец, я здесь!

Шима выскочил вперёд и обнял ручонками отца.

– Слава небесам! – облегчённо выдохнул Хару. – Ты цел!

– Да цел он, невредим, наш геройчик, – улыбаясь, сказал Мэргэн.

– Что волки? Как наш лагерь? Где мы? – спрашивал Хару.

– Всё своим чередом узнаешь. А пока, глянь-ка, кто здесь ещё!

Хару вновь приподнялся. Шима так и продолжал висеть на его шее, но отец даже не замечал этого. Кроме его сына и Мэргэна, в юрте находилась незнакомая женщина. Хару не сразу смог разглядеть ее в приглушённом свете. Невысокая, коренастая, с длинными волосами, заплетёнными в косы по обычаю степных женщин. Чёрные с красивой сединой волосы напо-

минали мех чёрно-бурой лисицы. У неё было простое лицо, довольно миловидное, однако в глазах читались мудрость и знание, каких не достигнешь за всю жизнь, лишь разъезжая по степи на лошади. Также и руки её не походили на мозолистые руки трудяги-степняка. Тонкие и чистые – они говорили, что хозяйка нечасто занимает их тяжёлым трудом.

Хару понял, кто перед ним.

– Госпожа Билигма, – прошептал он.

– Она самая! – вставил Мэргэн.

Женщина промолчала, наклонилась к Хару, приложила руку к его лбу, потом посчитала пульс, заглянула в глаза. Только после этого она сказала:

– Здравствуй, Хару.

Её голос звучал приятно, успокаивал и как будто отгонял морок:

– Вижу, тебе уже немного лучше. Полежи ещё денёк, а завтра сможешь встать. Не беспокойся пока ни о чём. Всё в порядке.

После этих слов Билигма отстегнула от пояса небольшую фляжку и протянула её Хару.

– Сделай несколько глотков.

Он послушно принял флягу и отпил. Жидкость была тягучая, но приятная на вкус. Казалось, что сначала рот, а затем всё существо наполняются запахами свежих степных трав и цветов, напоённых нежарким весенним солнцем.

Хару откинулся назад и вернул флягу. Его вновь неудержимо влекло ко сну.

– Пока, отец, поспи ещё, завтра увидимся, – говорит Шима.

– Ну, давай, до завтра, – говорит Мэргэн.

Госпожа Билигма молчит, но Хару понимает, что пора уже закрыть глаза и ещё раз погрузиться в целебный сон.

* * *

На сей раз он спал совершенно без сновидений. Ему вообще показалось, что он лишь пару минут назад прикрыл глаза, а когда открыл их, уже начался новый день. Он понял это по звукам снаружи юрты, какие бывают лишь при начале нового дня, когда начинается ежедневная суeta. Звуки в морозном воздухе разносились далеко и слышались очень чётко.

Хару сел на своём ложе, опасаясь, что сейчас его вновь одолеет приступ слабости, и голова пойдёт кругом. Но ничего подобного не произошло. Он осмотрелся, увидел рядом свою одежду. Оделся, хотя и медленно. Слабость ощущалась, но то была не болезненная противная слабость, а та, которая бывает после долгой или тяжёлой болезни, когда не покидаешь свою постель, и вот теперьходишь обратно в нормальную жизнь, и всё кажется обновлённым, и хочется быстрее накопить сил, чтобы переделать много разных дел.

Пока Хару одевался, он понял, что хочет есть и пить. Как будто кто-то уже предугадал его желания, тут же в юрте на столике он нашёл свежие лепёшки и сыр. Над очагом висел горячий чайник.

Он быстро управился с едой, повеселел и ощутил, что силы начинают возвращаться к нему. Хару закончил с одеванием и вышел из юрты. Оглядевшись, он увидел, что находится в лагере, однако в другом месте, не там где они остановились в ночь сражения. Становище расположилось в уютном распадке между холмами так, что солнце освещало его с утра и до вечера. Прекрасное место, чтобы поставить юрты и отдохнуть какое-то время и людям, и животным.

Окинув стан беглым взглядом, Хару отправился на поиски Мэргэна – слишком много вопросов ему хотелось задать. Хорошо было бы найти и госпожу Билигму, но какое-то чутьё подсказывало Хару, что с ней он и так увидится позже. Он нашёл вождя около одной из юрт: тот сидел у порога и подновлял ремень от лошадиной сбруи.

– А, уже встал? Ну, садись рядом.

Хару сел на седло, лежащее на земле. Солнце светило ярко, предвещая погожий день. Быстро теплело, словно зима немного отступала. Снег лежал уже везде, и никакая временная оттепель уже не одолеет его до самой весны. Хотя кое-где под солнечными лучами он и стал более пористым и каким-то загустевшим.

– Расскажи мне, что произошло той ночью после того, как я потерял сознание. И вообще, долго я пролежал больной?

– Ты пролежал две ночи и два дня. Госпожа Билигма сказала, что у тебя голова слишком сильно ударилась, да и кровь из ран вытекла. Говорит, очень ты усталый и ослабший, хотя я бы так и не сказал. Знаешь, есть в лагере люди, которые куда больше тебя пострадали. Жуткие раны, рваные, воспалённые. Двое скорее всего помрут, даже Билигма ничего сделать не может.

– Она ещё здесь? В лагере?

– Да, ходит за больными, сказала, чтобы ей не мешал никто. С тобой, говорит, всё хорошо уже, а вот другим помощь сильно нужна.

– Ясно, потом – значит потом.

– Ага, говорит, тебе теперь только сил набраться, да и всё.

– Ну, а что же было дальше? Я помню какую-то вспышку, или мне это привиделось, всё-таки голову я здорово стряхнул.

– Нет, не привиделось. Когда дэв на тебя напал, мы уже подумали – конец тебе. Хотя, знаешь, и не думали особо, каждый со своими волками бился.

– Дэв, ты сказал?

– Это не я сказал, а госпожа Билигма.

– Хорошо, давай дальше.

– Ну и вот, бились мы каждый со своими волками. Они ведь на нас стеной какой-то прямо попёрли. На спины друг другу стали запрыгивать и потом уже на нас. Мы их и копьями кололи, и мечами секли. Да какое там! Никогда не видел такого, чтобы волки вот так вели нападение, как будто направляет их кто-то. Против такого числа волков разве ж могли мы устоять? Много уже волков и внутрь лагеря попасть сумели, овец начали резать, на людей кидаться. Я уже подумал: всё, Мэргэн, плакал твой клан, прощайся с ним. Сожрут вас волки и будете посреди степи лежать, одни косточки. И тут вдруг – трах, бах! Как молния с громом ударили. Я думаю, это что за напасть, какая ещё гроза может быть зимой. И опять – трах, бах! Молния и гром! Сверху, но вроде как не с неба. Тут я посмотрел, откуда это, и увидел, что молнии бьют с вершины холма, под которым мы укрепились. Там ведь склон очень крутой и каменистый был, по сути дела, скала. И вот на самой её верхушке стоит кто-то и руки поднимает. Как поднимет, помашет ими, соединит неким манером, тогда-то с рук молнии с грохотом вылетают.

– Это госпожа Билигма была, так ведь?

– Так. Тогда она нас спасла. Молнии эти много волков поубивали, гром остальных всех распугал, те и разбежались. На этом наша битва и кончилась.

Мэргэн замолчал на минуту, потом хитро глянул на Хару.

– Что? – спросил тот.

– А мне ещё есть чего рассказать про сына твоего.

– Про Шиму? – изумился Хару.

– Ага, про него. Помнишь, я его вчера геройчиком назвал? Не зря ведь я это сказал.

– То есть? Говори уже!

– А то, что многих людей сын твой спас.

– Он? Он же дитя!

– Как запрыгнули волки внутрь нашей загородки и начали бесчинствовать, так три-четыре из них бросились к юрте, где женщины, дети да старики укрывались. Здоровые такие волки, наглые. Не захотели, видать, баранины, человечины им захотелось. Это ещё до Билигмы было, когда я сам с жизнью прощался. Вот, значит, кинулись они к юрте. Думаю, прощайте,

не сумел я вас охранить. И вот чудо-то! не хуже того, что Билигма показала: сунулись волки в юрту, морды внутри, хвосты – снаружи. Сунулись, да и замерли. Вдруг, вижу, попятнулись они назад, хвосты поджали, морды опустили, уши прижали, как собаки нашкодившие, которые знают, что им сейчас прилетит за дела. Пятятся, значит, они назад, от юрты, а следом за ними на порог выходит твой Шима. Вроде и маленький, а как встал на пороге, одну руку в бок упёр, другой волкам грозит и что-то говорит при этом. Говорит как-то чудно, я не понял ничего, видать по-детски что-то лепетал. Но волки-то его то ли слушались, то ли испугались, а только заскулили, да и убежали от юрты прочь. И ни один потом не приблизился. А там уже и госпожа Билигма подоспела.

Хару потрясённо слушал историю о ночной битве, особенно о своём сыне.

– Ну, скажешь чего? – подмигнул ему Мэргэн. – Я был бы горд, если бы мой Батó так же волков в пять лет гонял.

Хару покачал головой:

– Нет, Мэргэн, здесь не всё так просто. Ты многого не знаешь о нас, да и я не всё знаю.

Как вижу теперь, многого не знаю.

Мэргэн пожал плечами:

– А что тут знать? Есть мальчонка, смелый и бесстрашный, волков не боится, людей спасает. Хорошо ведь это.

– Хорошо, Мэргэн, вот только ненормально, ведь мальчишке всего-то пять лет, шестой пошел.

– Ну и что, вот ещё мой дед говорил, что дети теперь быстрее растут.

Хару продолжал качать головой.

– И где мы сейчас? – спросил он чуть погодя.

– Тогда же ночью, как опасность миновала, мы собрали раненых, похоронили убитых и двинулись дальше. Билигма тоже не одна прибыла. На белых верблюдах она и её спутник – огромный детина! Сильный, как медведь! Они нам этот распадок показали, когда мы наутро дальше двинулись. Здесь мы и встали. Ветер сюда не задувает, солнце светит. Побудем тут, пока раненые в себя не придут, а дальше – видно будет.

– А что, Мэргэн, много ли раненых и убитых? Прости, что не сразу спросил об этом.

– Таких всегда много. Один – уже много было бы. Погибло четверо, ещё столько же, наверное, не выкарабкаются. А ранены – почти все, кто на кибитках стоял да с волками дрался. Поэтому-то я благодарю Небеса, что Билигма вовремя явилась. Ещё бы чуть-чуть, и нас бы всех разорвали. Для моего клана это была тяжёлая ночь. Вдовы появились, дети без отцов. Придётся их опять замуж выдавать, пристраивать как-то. Может, ты одну возьмишь?

– Шутишь, что ли?

– Нет, я серьёзно, – лицо Мэргэна и впрямь оставалось невозмутимым, – Будешь полноправным членом моего клана. Кстати, раньше не было у нас имени, теперь назовёмся клан Волчьей ночи. Звучит неплохо, а?

– Мэргэн, я не совсем понимаю, серьёзно ты говоришь или нет.

– Э, да что тут понимать, – вздохнул кочевник, махнул Хару рукой, как будто отпуская его, и принялся чинить упряжь дальше.

IV

После разговора с Мэргэном Хару отыскал сына. Ему сразу же бросился в глаза странный рисунок на лбу ребенка: полумесяц с ромбом посередине. Никогда прежде Хару не видал ничего подобного.

– Что это? – спросил он.

– Не знаю, это мне Билигма нарисовала, говорит, что это мне поможет лучше спать ночью.

Отец осторожно прикоснулся к рисунку. Он был нанесен красно-коричневой краской, видимо, на основе глины, однако от нее шел приятный пряный аромат каких-то трав.

Однако Шима горел желанием носиться вместе с остальными детьми клана и всё его внимание поглощали игры, так что на вопросы отца он отвечал односложно, и было видно, что голова его занята лишь тем, как бы поскорее присоединиться к остальной детворе.

– Бато, я уже иду! – закричал Шима, когда отец, наконец, отпустил его после краткого расспроса.

Бато, сынишка Мэргэна, с которым Шима ехал в повозке, стал его лучшим другом за время поездки. Одного возраста, они чем-то дополняли друг друга, и если бы не внешняя непохожесть Шимы на других детей, то их можно было бы принять за братьев. Как бы то ни было, Хару остался один и решил побродить по становищу. Чувствовал он себя вполне неплохо, и несмотря на некоторую слабость и лёгкое головокружение, возвращаться в постель несколько не хотелось.

Однако в стане ничего примечательного для Хару не было. Обычная повседневная жизнь, какая происходит в любом лагере степняков на всём протяжении от неизвестного Запада, где берёт истоки Степная Мать, и вплоть до Островного моря, где степь кончается. Ему уже довелось насмотреться на быт кочевников за долгие месяцы пути, да что говорить, за это время он и сам начал превращаться в кочевника и по одежде, и по потребностям. В силу своего несколько особого положения гостя клана, Хару почти не выполнял тех обязанностей, какие выпадали на долю обычного степняка-мужчины, да скорее всего они оказались бы ему не по силам. Он, конечно, умел ухаживать за лошадьёю и основным снаряжением, но в остальном он мог не больше чем ребёнок.

Хару решил прогуляться и подняться на ближайший холм, чтобы подумать немного в одиночестве о недавних событиях и поискать решения некоторых старых проблем. Подъём по склону Хару вполне одолел, хотя ближе к вершине и ощутил усталость. Всё-таки он действительно ослабел за последние дни, пока лежал в постели. Тем не менее, мужчина не собирался сдаваться, и последние тридцать-сорок шагов пробежал вверх, собирая все силы в кулак.

Наверху он отдышался и огляделся. На востоке, совсем недалеко, через три-четыре холма пониже, простиралась до самого горизонта степь. На западе, севере и юге ложились волны холмов, насколько хватало глаз. Кое-где они были гладкие, покрытые снегом, кое-где наружу выступали скалы, явно вулканического происхождения, чернеющие на снежном фоне, и лишь изредка виднелись рощицы изогнутых ветром сосёнок и островки кустарника.

День был тихий, солнце стояло ещё высоко для этого времени года, и находится здесь, наверху, в отдалении и одиночестве было для Хару приятно, а унылый вид вполне соответствовал настроению. Хару присел на камень и задумался. Он думал обо всём, что случилось с ним, вспоминая прошедшие дни, думал о будущем, о сыне, и о том, что он оказался в долгу перед Мэргэном и его людьми, хотя те об этом и не знают. Взгляд Хару скользил по вершинам окружающих холмов, покрытых снегом, на котором играли солнечные лучи, кое-где образовывались причудливые формы, видимо, в тех местах, где снег лёг на скалы или скрыл некие особенности рельефа. В таких местах снег становился темнее, если это были углубления или низины, или же наоборот, блистал яркой белизной на возвышениях, устремлённых к свету.

Дальние же холмы расплывались в голубовато-серой дымке. В особенности нравилось глядеть ему на небо. Степное небо, бесконечно глубокое и голубое, чистое и зовущее.

Какое-то время Хару вообще не думал ни о чём, а просто созерцал окружающий его мир, наполняясь покоем и радостью. Тяжкие мысли отползали прочь, разум прояснялся. Хару и не заметил, что по склону холма поднимаются два всадника, ведущие за собой в поводу ещё одного коня. Вскоре они приблизились к нему, и Хару наконец обратил на них внимание. Это были госпожа Билигма и какой-то могучий мужчина внушительных размеров, как раз подходящий под описание, сделанное Мэргэном.

– Госпожа Билигма, приветствую тебя и твоего спутника, – поднимаясь на ноги и слегка кланяясь, сказал Хару.

– Здравствуй, Хару, – ответила она. Её спутник лишь коротко кивнул.

– Не обращай внимания на Тагара, Хару, он почти не разговаривает с другими людьми. Только со мной он говорит свободно. Это не от неучтивости, а такой уж он по своему складу, – сказала Билигма. – Кроме того, у него тоже есть свои причины, сделавшие его нелюдимым.

– Хорошо, госпожа, я не стану принимать на свой счёт его молчание.

– Вот и правильно. А ты что же? Гуляешь?

– Да, госпожа. Надоело без толку лежать в постели.

– Я думала, что ты захочешь повидаться не только с Мэргэном и со своим сыном, но и со мной.

– Именно так, госпожа, однако Мэргэн предупредил меня, что ты очень занята с ранеными, так что я решил повременить.

– Да, Хару, очень похвально с твоей стороны. Один день или два дня, один час или больше – это уже не играет никакой роли. Ты был в пути ко мне многие месяцы, так что теперь разницы нет.

– Воистину, госпожа. У меня есть вопрос к тебе. Что это за символ, который ты нанесла на лоб моему сыну? Никогда я не видел такого прежде.

– Это знак чистоты. Он означает потерянное тайное озеро и остров посредине.

– То озеро, о котором поют в песне Начала?

– Оно самое, озеро, путь к которому потерян. Все ведь знают эту легенду.

Билигма кивнула Хару и с минуту изучающе глядела на него. Потом она промолвила:

– Хару, прежде чем мы продолжим говорить с тобой сегодня, да и в последующие дни, я хотела бы кое-что показать тебе.

– Хорошо, госпожа.

– Но придётся немного проехать верхом. Сможешь?

– Думаю, да.

Хару немного побаивался, что ему будет тяжело в седле, однако сил у него оказалось намного больше, чем он ожидал. Оказавшись на лошади, молодой человек даже повеселел и приободрился.

– Я готов ехать, куда ты укажешь.

– Здесь недалеко, Хару.

Они проехали по гребню холма и спустились немного вниз, где склон переходил в следующий холм. Так, следуя то по одному гребню, то по другому, они постепенно спускались вниз и оказались у подножия всей гряды, там, где она соприкасалась со степью. По всей видимости, они повторяли путь, пройденный кочевниками за то время, что Хару находился без сознания.

– Теперь можно и быстрее, – произнесла Билигма и пустила лошадь рысцей. Мужчины не отставали от неё.

Они двигались вдоль границы холмов и степи, и скоро Хару начал понимать, куда именно они направляются. Вот уже показалась и высокая скала, вырывающаяся из довольно пологих по сравнению с ней склонов. То самое место, где несколько дней назад произошло побоище с

несметной волчьей стаей. На месте битвы тут и там виднелись бугорки, припорошённые снегом, кое-где чернели остатки больших костров, которые люди жгли всю ночь. Путники спешили.

Хару подошёл к одному из бугорков и кончиком сапога расшевелил снег. Как он и ожидал, это был мёртвый волк, окоченевший и замёрзший в камень.

– Степняки уже собрали стрелы, какие было возможно, – пояснила Билигма, – так что остались только трупы хищников. К весне будут лишь кости да обрывки шкур. Всё зарастёт травой.

Некоторые трупы, которые Хару также кончиком сапога отряхнул от снега, были явно опалены каким-то огнём. Колдунья заметила это и пояснила:

– А это уже моя работа. Мэргэн ведь рассказал тебе о молниях и огненных шарах?

Хару потрясённо кивнул. Он, конечно же, был наслышан о могуществе некоторых ведуний и колдунов, однако впервые видел такое своими глазами. Билигма заметила его смятение, и это немного развеселило её.

– Знаешь, делать молнии и шары, а потом направлять их не абы как, а прицельно – нелёгкий труд. Не буду объяснять тебе, откуда именно они берутся, но поверь, все они проходят через меня. Обычным людям это не под силу. Если только единожды, но тогда это будет стоить жизни любопытному наглецу.

– А гром?

– А что гром? Гром – это ерунда, его сделать несложно. Гром больше для того, чтобы напугать глупцов и животных. Ты слышал когда-нибудь, Хару, о том, чтобы человека убил гром, а не молния?

– Нет, не слышал, госпожа.

– Вот-вот, и не услышишь. Гром пугает, он очень эффектен, но он не может убить. Ну, разве что настолько громкий, что человек не выдержит звука, но я о таком не слышала.

– Велико твоё мастерство, госпожа, – Хару поклонился с почтением.

– Спасибо, Хару. Но ведь и ты мастерски управляешься с мечом и с луком. И ты знаешь, несомненно, что мастерство не может прекратить своё развитие. Ты либо бесконечно идёшь вперёд, либо теряешь талант, и он от тебя уходит.

– Всё правильно, госпожа. И благодарю за то, что ты считаешь меня мастером.

Разговаривая, они подошли к одному особенно крупному холмику, также скрытому под слоем снега.

– Тагар, очисти его, – приказала колдунья.

Тот молча подошёл и, действуя то рукавицами, то ногами, за непродолжительное время очистил бугор от снега. Под покровом скрывался труп того самого чудовища, которое сразил Хару. Труп лежал на спине, видно, его переворачивали. Остекленевшие глаза были всё так же полны злобы, пасть приоткрыта так, что хорошо были видны острые длинные клыки. На передних лапах когти достигали длины пальцев взрослого человека. Задние же лапы представляли собой нечто среднее между ногой человека и лапой животного. На груди буро-коричневый мех пропитала заледеневшая теперь кровь, в том месте, где вошёл клинок Хару.

– Тебе, Хару, в общем-то, повезло, – сказала Билигма, – ты видишь его когти? Такими когтями плоть отрывается от тела клочьями, а ты отделался, по сути, царапинами. Правда, от шубы твоей мало что осталось, но она тебя спасла. Да, сила в лапах этого дэва немалая. Тебе очень повезло в схватке с таким серьёзным врагом.

– Госпожа, скажи, это и вправду дэв? Я как-то видел одного, но тот был в цепях в бродячем цирке, и он был какой-то больной и полуживой. Он тогда не произвёл на меня впечатления. Я слышал, что дэвы – это проклятые люди, превращённые давным-давно за какие-то преступления в чудовищ. Или же это что-то другое? Может оборотень, или такой волк?

– Ты думаешь, я показываю его тебе просто так? Чтобы ты мог сейчас при солнечном свете полюбоваться на своё лихое дело? Нет, Хару, это урок для тебя. Ты спросил, что это, и я отвечаю тебе, – это монстр. Монстр, в котором от человека уже ничего не осталось, кроме разве способности ходить на задних лапах. Это чудовище, наказанное небом, и ведь ты понимаешь, Хару, что это значит для тебя? Это ведь один из ответов на твои вопросы, ради которых ты явился ко мне. Ведь так?

Хару закрыл лицо руками и отвернулся от колдуньи.

– Убери руки от лица и говори, глядя в глаза, славный воин Хару, – приказала женщина. Тот не смел ослушаться и повернулся обратно к ней, опуская руки.

Его глаза как-то странно заблестели, а лицо теперь походило более на лицо мальчика, которого взяли с поличным во время какой-то проказы, чем на лицо взрослого мужа. Увидев это, колдунья несколько смягчилась.

– Я вижу слёзы у тебя в глазах. Это хорошо. Значит, для тебя и Шимы есть ещё шанс. Ты сожалеешь. Это хорошо. Но я хотела бы услышать от тебя всю историю, хоть уже и догадываюсь о многом.

Голос Хару дрогнул, когда он промолвил:

– Да, госпожа, я всё тебе расскажу. Прямо сейчас. Никто не может представить себе, как меня это тяготит. Весь этот путь я проделал ради встречи с тобой.

– Я знаю, Хару, знаю, – уже мягко отвечала колдунья, – однако ты расскажешь свою историю чуть позже. Не здесь и не сейчас. Я хотела бы иметь возможность выпить горячего чаю, слушая тебя, ведь рассказ не будет коротким, правда? И, кроме того, твои слова должен услышать ещё кое-кто.

– Кто же?

– Мэргэн. Он заплатил за это право жизнями своих людей. К тому же, мне сдаётся, что вы с ним связаны теперь. Ваши судьбы основательно переплелись.

Хару вздохнул и согласно кивнул.

V

В тот же день, вечером, когда на улице уже сгущалась ночь и все дневные дела по хозяйству были сделаны, в юрте колдуньи собрались помимо самой хозяйки, Хару и Мэргэн. Тагар сел у входа, а гости расположились рядом с очагом, горевшим посередине юрты. На огне закипала в изящном чайнике вода. Всё внутреннее убранство юрты говорило о зажиточности хозяйки: комод-сундук с тонкой резьбой из южных земель, крепкая и красивая дверь в юрту, чайный столик на тонких ножках, почти прозрачный фарфор чайного сервиза.

– Сейчас попьём чаю, – сказала Билигма, наливая кипяток в заварник, – думаю, с чаем слушать интереснее.

Она ополоснула пиалы кипятком и расставила их на небольшом столике, утончённость которого выдавала работу мастерских Империи Дракона. Пиал было четыре, все очень красивые, однако одна из них была несколько проще, а самое главное – намного больше, чем все оставшиеся три вместе взятые. Возможно, это даже была не пиала для чая, а скорее чашка для похлёбки.

– Тагар не признаёт маленькие чашечки, – пояснила Билигма, уловив удивлённые взгляды гостей. Тут же она добавила, глядя Хару в глаза:

– Не беспокойся, как ты уже понял, Тагар не из тех людей, кто не может сдерживать язык за зубами. Он никому ничего не скажет. И кроме того, у меня всё равно нет от него тайн. Я рассказываю ему всё, прошу даже иногда совета. Ты даже не представляешь себе, какой из него порой бывает отличный советчик!

Колдунья наполнила чашечки чаем и передала их гостям. Тагар взял свою здоровенную пиалу и всё так же молча вернулся к двери. Какое-то время все молча пили чай. Никто не торопил Хару начинать рассказ. А тот, в свою очередь, не торопился и сам. Первым не выдержал Мэргэн. Он с шумом допил чай и поставил свою чашку на стол, довольно громко стукнув ее доньшком. Билигма потянулась к чайнику, чтобы вновь наполнить её.

– Нет-нет, благодарю, госпожа. Достаточно. Дуть пустой чай душа не лежит.

Мэргэн выразительно глянул на Хару. Последний поёрзал на месте, сосредоточенно разглядывая узор на стенках чашки. Степняк выразительно кашлянул, без малейшего намёка на естественность. Хару поднял на него глаза и невольно улыбнулся, видя его неуклюжие потуги.

– Сейчас, друг мой, подожди ещё чуточку. Дай собраться с мыслями и словами.

– А, да что там! Сколько ни собирайся, всё равно будешь не готов. Давай уже, рассказывай. Ты ведь человек из благородных, учёный, наверное. Слова сами придут тебе на язык, как начнёшь говорить. Не так разве? А, госпожа?

Колдунья согласно кивнула. Хару натянуто улыбнулся, пригубил чай и после глубокого вздоха начал свой рассказ.

– Мэргэн правильно говорит о том, что я из благородных и учёных. Думаю, здесь, на краю мира, я могу поведать свою историю, и это никому не навредит. Я начну немного изда-лека, чтобы было понятнее, какие обстоятельства привели меня сюда. Как правильно сказала госпожа Билигма, вы все уже втянуты в эту историю, так что знать, отчего всё это происходит, вы имеете полное право. Более того, я очень хотел бы, после того как вы всё узнаете, получить от вас совет, а быть может, и помощь. Вы сами решите, оказывать мне её или нет, насколько это может быть опасным для вас.

* * *

Я – Хару Ши́ра из рода Шика, один из членов княжеской семьи, правящей островом Оленя по ту сторону Малого моря. Главой семьи является мой дядя Ёши́да, он же и правит островом. У него двое сыновей, так что наследники имеются, что делает меня весьма далёким от трона. Мои родители то ли умерли, то ли были изгнаны на Северный остров за какую-то провинность. Ходят разные слухи, но все они противоречивы, так что верить им не стоит. Как бы то ни было, рос я при дворе, пользовался всеми благами и преимуществами княжеского родича, и ни в чём не имел ни малейшего недостатка. Я воспитывался наравне с двоюродными братьями, учился не только наукам, но и умению владеть различным оружием, прежде всего, мечом. С нами занимались лучшие наставники по всем возможным наукам, которые приличествует знать княжичам. Единственное, от чего я был освобождён, так это от обучения управлять государством. Предполагалось, что мне это никогда не понадобится. Наверное, так и есть.

Почему и как я оказался здесь, так далеко от родины? Я расскажу вам. Всё началось больше шести лет назад. Мне было двадцать, стояло начало лета. В тот день мой дядя, владетельный князь, устроил большую охоту на кабанов. Как вы понимаете, на нашем острове олень считается священным соправителем княжеской семьи, так что охота на них запрещена. А вот на кабанов – пожалуйста. Та охота проводилась в честь наших гостей из княжества Тигра, прибывших с большим посольством. Среди послов был даже наследник трона, но к этому я вернусь чуть позже. Он тоже сыграет свою роль в моей истории. Как видите, друзья, вы оказываетесь в компании знатнейших и влиятельнейших людей.

Произнеся последнюю фразу, Хару усмехнулся, вздохнул и продолжил:

– Весь тот день с раннего утра мы провели верхом. Была большая облава. Кроме кабанов, мы забили множество волков, медведя, и всякой мелкой дичи и птицы без счёта. Намечался прощальный пир в честь посольства, так что такое изобилие было как раз кстати. Ну и вы понимаете, что охота – это ещё и любимое мужчинами развлечение. Это как небольшая война, когда тоже можно показать свою удаль, оценить силы и умения.

В общем, весь день мы носились по лесам, по горам и долинам. Моя лошадь, наверное, одна из лучших на всём острове. Резвая и неутомимая. Мы понимали и чувствовали друг друга. Иногда я давал ей полную волю, и она несла меня вперёд, оставляя далеко позади слуг и других участников охоты. Я нёсся за кабаном, не разбирая дороги. Не знаю, что доставляло мне большее удовольствие, сама охота или то ощущение полной свободы и единения с лошадью, которое возникает, когда мчишься верхом на замечательном скакуне, и ветер свистит в ушах, и всё проносится мимо на огромной скорости.

Короче говоря, охота уже не особенно занимала меня, тем более, что день клонился к вечеру. Кабана я упустил и совершенно не расстроился по этому поводу. Скачка так захватила меня, что я даже и не думал останавливаться, хотя давным-давно потерял и кабана, и даже его след. Я скакал всё дальше и дальше. Наконец, моя лошадь, да и я сам, начали выдыхаться и понемногу остановились.

Мне всё же пришлось в голову осмотреться. Мы оказались в предгорьях, глубоко в лесу. Я не слышал ничего, кроме звуков леса, а в пылу скачки совершенно потерял направление. Я не представлял, в какую сторону стоит повернуть и держать путь. Я покричал, позвал своих слуг и провожатых, но никто не отзывался. Из попытки найти дорогу по своим следам ничего не вышло, и мы с моей лошадью заплутали ещё больше.

Впрочем, мне было почти что всё равно. Тогда я оставался глупым юнцом, который ничуть не понимал, куда ведёт его дорога и какой путь стоит избрать. Я ничего и никого не боялся. Я был силен, умел прекрасно драться. С собой у меня имелись лук и стрелы, я не расставался с мечом и кинжалом. Чего бояться?

Короче говоря, я бесцельно слонялся по лесу. Пришлось сойти с седла, чтобы лошадь отдохнула, и вести её в поводу. Мне казалось, что вот-вот я встречу кого-нибудь из других охотников, либо мне попадётся кто-то, кто мог бы указать направление. Однако мне не встречалось ни души. Долгий летний день заканчивался, начинались такие же долгие летние сумерки.

Потом я наткнулся на ручей. Мы с лошастью вдоволь напились, я умылся и освежился. Мне подумалось тогда, что будет разумно идти вдоль ручья по течению, и рано или поздно он меня выведет к какому-нибудь жилью или к реке, где возможно встретить людей.

Как я уже сказал, наступали сумерки. Хотя стояло начало лета, и дни были тёплыми и солнечными, а ночи совсем короткими, всё же и я, и моя кобыла сильно устали. Голод одолевал меня, скудный запас пищи давно кончился, к тому же после целого дня в седле мне очень хотелось провести ночь под крышей в хорошей постели. Так что я возлагал большие надежды на то, что ручей выведет нас, куда нам нужно. В лесу сумерки сгущаются намного быстрее, чем в степи, так что вскоре стало по-настоящему темно.

С лошастью в поводу я уже довольно долго шёл вдоль воды, которая успела превратиться из небольшого ручейка в шаг шириной в речушку саженей в пять, и продолжала расширяться. Должен заметить, эта речка была очень живописной. Берега, поросшие сочной травой, в которой среди зелени пестрели самые разные цветы, густой лес по обоим берегам, но лес не страшный, не тёмный, а какой-то живой и светлый. Кое-где над водой склонялись плакучие ивы. В чистой, прозрачной воде резвились рыбки, порой проскакивали довольно крупные, с серебристой чешуей. Дно речушки было каменистое, так что я с лёгкостью мог видеть в незамутнённой воде даже то, что происходило у противоположного берега.

Итак, становилось всё темнее и темнее, наступала ночь. Я ещё мог пока различать дорогу, хотя это было с каждой минутой всё сложнее. Тут-то среди ветвей блеснул огонёк, не слишком яркий, но всё же он говорил о близости человеческого жилья. Пробиваться сквозь чащу не хотелось, да и не оказалось в том нужды. Я ещё немного прошёл вдоль берега речушки и оказался на лесной поляне, выходящей прямо к воде. Со всех сторон она была окружена густым лесом, который в наступающей темноте казался совершенно непроходимым. Но самое главное: посреди поляны высился крепкий и красивый дом, рядом с ним находились немногочисленные дворовые постройки. В городе такие дома обычно принадлежат зажиточным купцам или придворным. В ту минуту я подумал, что это, должно быть, заимка кого-то из придворной знати. Огонь горел в домике и в фонаре, висящем рядом со входом.

Я покричал хозяев, однако никто мне не ответил. Походил по поляне, заглянул в хлев и дровяник. Пусто. Только овцы казались единственными обитателями поместья. Тогда же я обратил внимание на то, что в загоне для скота нет места для лошадей, но не придал этому особого значения. Свою кобылу я расседлал сам, вытер соломой и оставил в компании овец. Она совсем выдохлась. Я же вновь отправился искать хозяев.

Я заглянул внутрь дома. Огонь, который вывел меня к жилью, горел в красивом светильнике, изображающем какой-то сказочный цветок. Когда же я пригляделся к внутренней обстановке, то сильно удивился. В лесной глуши стоит домик без обитателей, а внутри него мебель чёрного лакированного дерева, на столике стоит фарфор тонкой работы, курятся утончённые благовония, а в очаге горят душистые поленья. Изящные вазы с цветами украшают комнаты, циновки, покрывающие пол, новые и наилучшей работы, какая только может быть. И всё это затеряно в глубине леса на берегу безымянной речки, и вокруг ни одной живой души! Нет никого, никто не охраняет это богатство. Нет даже собак!

Это сейчас я понимаю, что мне следовало бы бежать оттуда, или хотя бы насторожиться, ведь я мог видеть совершенно очевидные знаки того, что с этим местом что-то не так. А тогда я подумал, что нашёл клад.

Я ещё раз вернулся к лошади, задал ей овса, какой нашёл, и пошел в дом. Как и положено, я разулся при входе и ещё раз обошёл все комнаты. Две спальни, одна общая комната с боль-

шим очагом, и самое главное, мне посчастливилось найти баню, которая наполнялась прямо из горячего источника, бывшего из-под земли. Вода наполняла большую деревянную лохань, в которую легко поместились бы трое. Излишек воды переливался через край и по деревянному желобу стекал в реку. Таким образом, можно было купаться в горячей проточной воде. Это привело меня в полный восторг.

Удивительно, насколько глупым и неосмотрительным я был тогда. Пустой дом, полный сокровищ, горящие лампы и фонари, горячая баня, и при этом вокруг нет никого. Помимо этого я оказался ещё и наглецом. Недолго думая, я разделся и залез в лохань с горячей водой. Конечно же, я устал за день и полагал, что это меня в полной мере извиняет. Но я происходил из самой знатной семьи острова, собственно, мы считали остров своим. Я считал, что мне обязаны оказывать гостеприимство. Ну, а в крайнем случае я готов был заплатить.

После мытья, чистый и посвежевший, я нашёл тут же в бане чистую одежду и натянул её на себя, хотя она и оказалась мне велика. Затем я вернулся в главную комнату. Забыл сказать, что там на столике были расставлены в изобилии различные кушанья. Я ещё раз покликнул хозяев, но как и раньше, никто мне не ответил. Что ж, я поел в одиночестве. Впрочем, я настолько измотался, что скорее попробовал некоторые из угощений, чем полноценно поужинал.

Все блюда были отменно приготовлены. Чай, правда, пришлось готовить самому, но я отлично справился. Во дворце меня учили правильной заварке и всяким тонкостям чайной церемонии. Да-да, Мэргэн! это только степняки просто заливают чай кипятком и потом разливают его по чашкам. Или варят чай вместе с молоком, маслом и мукой. А в цивилизованном мире это целая наука! Не обижайся, я не считаю, что напиток становится намного лучше от этого. Главное – это его качество, и не жалею класть побольше чая.

Ну, так вот, я наелся и напился. Пиво я не тронул, так как никогда особо не любил его, тем более в одиночестве. После я немного полюбовался внутренним убранством дома, утончённым и по-настоящему изысканным. Многие вещи прекрасно вписались бы в убранство нашего дворца.

Всё было тихо, уже спустилась ночь. На всякий случай я вновь прогулялся до лошади в хлев. Ничего необычного. Прекрасная летняя ночь, тёплая и светлая от полной луны. Когда я вернулся в дом, то ощутил всю полноту накопленной усталости. Я прошёл в спальню и не раздеваясь лёг на циновку, укрылся и сразу уснул.

Сквозь сон я услышал шум в соседней комнате, где был накрыт стол. Было слышно, как кто-то большой расхаживал там. Слышалось, как он звякает посудой, смачно ест и пьёт. Поведение того человека, громкое и небрежное, совершенно не вязалось с благородной обстановкой дома, так что я решил было, что это непрошенный гость, возможно, грабитель. Себя я к непрошеным гостям, естественно, не причислял. Меч и кинжал я пристроил рядом с собой, как и положено воину-аристократу. У нас на островах воин не должен по возможности расставаться со своим мечом, этому учат с детства. Это не оттого, что мы такие любители мечей, но таков уж наш обычай, отличающий наиболее знатных членов общества.

Я не спешил давать о себе знать. Чересчур громкое поведение настораживало меня. Почему-то только теперь мне в голову пришли мысли о том, какие на самом деле опасности могут меня подстергать в чужом доме с подозрительно дорогой обстановкой посреди непроходимого леса. Только тогда мне подумалось о разбойниках, у которых здесь может быть логово.

Шум за столом продолжался некоторое время. Потом внезапно утих, и я услышал, как кто-то идёт к бане. Судя по тому, что я не слышал разговоров, человек был один. Возможно, это всё-таки хозяин этого дома. Далее я услышал плеск воды и довольные вздохи и оханья человека, который расслабляется в горячей воде.

Я совершенно не представлял, что мне делать. В доме, кроме меня, был, по всей видимости, лишь один человек, так что бояться мне не приходилось. К тому же, он понятия не имел,

что не один, и не ожидал меня увидеть. Стоит ли мне выйти к нему сейчас, самому? Но ведь он голый и моется. Не думаю, чтобы кому-то понравилось, если бы его купание прервал незнакомец. Только представьте, вы сидите голый в горячей воде, расслабляетесь и наслаждаетесь, и тут перед вами является кто-то и объявляет, что он гость, и к тому же из княжеской семьи.

Короче говоря, я решил подождать, пока хозяин не вылезет из ванны, и тогда уже представиться ему. Однако тот всё плескался и громко пел какую-то похабную песню, и конца-края не было его купанию. Мне тогда показалось, что так себя может вести человек изрядно подвыпивший. Я продолжал сидеть и ждать. Ничего не происходило, и меня, как видно, вновь сморил сон.

Я проснулся от страшного грохота и яркого света лампы. Я мигом вскочил, хотя со сна не сразу вспомнил, где я нахожусь, и что происходит.

– Тысяча демонов! – зарычал стоявший на пороге комнаты. – Это ещё кто такой? Ты кто, а?

– Я Хару из дома Шика, княжич и твой гость, – выпалил я, толком даже не разглядев, с кем говорю. Незнакомец держал лампу в вытянутой руке, и она слепила меня. Впрочем, глаза быстро привыкли к свету, и я сумел-таки разглядеть хозяина дома.

Это был высокий и могучий мужчина средних лет, с довольно красивым лицом, хотя и несколько необычным. Мне сразу показалось, что я уловил нечто хищное в его чертах, особенно когда он гневался, как сейчас. У него были чёрные волосы ниже плеч. Вообще он был весь покрыт кудрявыми чёрными волосами, кое-где с проседью. Я хорошо разглядел его, так как он стоял передо мной совершенно голый и мокрый, только после купания. При этом он не делал ни малейшей попытки прикрыться. Тело его под волосами было мускулистым, хотя было очевидно, что он любил хорошо и обильно покушать и выпить.

С него стекала вода, и он чуть пошатывался, от него несло вином. После моего представления он прорычал в ответ:

– Да мне плевать, кто ты такой! Ты вломился в мой дом без моего разрешения и без приглашения!

– Послушайте! Я не хотел вас оскорбить, но я был усталый и голодный, никого здесь не было. Видит небо, я долго искал хозяев и множество раз окликал вас. Если уж на то пошло, я готов оплатить ваше гостеприимство, хотя и не считаю это правильным.

– Мне вообще всё равно, что ты там считаешь! Заплатить готов? Вот сейчас и заплатишь!

Он отбросил лампу и кинулся на меня. Во сне я выпустил меч с кинжалом из рук, и когда вскочил, они так и остались лежать на циновке. Так что мы начали драться голыми руками. Мой противник был силен и ловок, к тому же мокрый и скользкий, однако я был моложе, и самое главное – трезв. Всё время я опережал его, хотя его удары и были сильными, я был быстрее. Во время потасовки я пытался увещевать его. Виданное ли дело – нападать на гостя!

Тем не менее, хозяин дома лишь продолжал ругаться. Ярость и злость начали подниматься и во мне. Я не привык драться на кулаках с голыми пьяными мужиками, которые годились бы мне в отцы, и которые на разумные слова отвечают бранью. Всё это стало меня ужасно раздражать, и я начал наносить удары в полную силу.

Но то была лишь небольшая часть препятствия. Лампа, которую незнакомец отшвырнул в сторону, разлила масло, и оно уже всю горело. Пламя захватывало всё большую площадь, заняло почти весь угол комнаты, и продолжало захватывать все большее пространство.

– Пьяный дурак! Ты сошёл с ума! – закричал я на него, отбросив всякую сдержанность, которую ещё пытался проявить. – Ты устроил пожар! Мы же сгорим!

– Плевать! Сгорим вместе!

Это окончательно вывело меня из себя. Я что есть сил отбросил его прочь, и он упал рядом с пламенем. Волосы на его теле и голове подпалились, сразу же по комнате распространился сильный жжёный запах. Он взвизгнул, вскочил и бросился к выходу. Я вне себя от гнева

схватил свой меч с полу и бросился за ним, стараясь поймать. Мой противник всё же опередил меня и, когда я оказался подле него, он был уже на пороге, но спиной ко мне. Ударять в спину я не стал бы никогда, но злость во мне клокотала столь сильно, что я решил всё же поддать ему по мягкому месту, чтоб была ему наука.

И тут-то я увидел нечто невероятное! У этого человека был хвост! Не какой-нибудь там уродливый отросток, как у свиней, или что-то в этом роде. Нет! Это был прекрасный, пушистый, самый настоящий лисий хвост! Передо мной стоял оборотень! Демон, или что там ещё!

Я недолго думая схватил его за хвост. Он опять взвизгнул, и теперь я понял, что полисьи, как и в прошлый раз, когда он обжёгся в огне. Он завертелся, пытаясь вырваться, и при этом, не переставая, поносил меня на чём свет стоит. Я торжествуяще рассмеялся и одним ударом меча легко отсек ему хвост. Кровь хлынула потоком, он жутко закричал, метнулся к противоположной стене, еще не тронутый огнем и... исчез, словно растаял в воздухе!

Я подобрал кое-какую одежду, ведь кроме исподнего на мне ничего не было, и побежал к двери, спасаясь от огня. В хлеву тревожно блеяли овцы и ржала моя лошадь. Я бросился туда, забыв на время о неприятеле, которого я, впрочем, считал поверженным. Отсечённый лисий хвост я сунул за пазуху, распахнул ворота загона и выгнал всех животных, отвёл свою лошадь в безопасное место, затем вернулся за упряжью и седлом.

Дом уже полыхал. Пламя объяло его до самой крыши, уничтожая все те прекрасные вещицы, которые наполняли его. Тушить пожар было уже слишком поздно.

Теперь я вспомнил и о своём противнике. Мне даже стало его чуточку жаль: лишиться хвоста и крова за одну ночь – это серьёзный удар даже для оборотня. Интересно, где он и что с ним? Сгорел он, или же прячется где-то поблизости? На всякий случай я приготовил свой меч и обошёл дом, куда, по моим расчётам, он должен был попасть. Там я его и нашёл, жалкого и скулящего. Кровь ещё сочилась из его раны, но жизни его, видно, это не угрожало. Увидев меня, он начал браниться пуще прежнего, хотя и не пытался нападать. Тогда я вытащил из-за пазухи его роскошный лисий хвост и помахал им в воздухе.

– Я отрубил тебе хвост сзади, давай для красоты отрублю тебе твой отросток и спереди, а? – начал я издеваться над ним. Я всё ещё оставался зол на него и его пьяную ругань.

Увидев хвост в моих руках, он жалобно заскулил, поник и сжался. Более того, он начал ползать на коленях передо мной и молить вернуть ему хвост обратно. Я же решил наказать и проучить его, и потому сказал:

– Я не верну тебе твой хвост, демон. По крайней мере, сейчас. Я не сделал тебе ничего плохого, и лишь твоя злоба и глупое пьянство привели тебя к потере. Я был усталым путником, готовым даже заплатить за кров, но ты полностью пренебрёг законом гостеприимства. Или у оборотней совсем нет воспитания?

– Да-да, я виноват перед тобой, прости меня, – завыл он.

– Как зовут тебя, оборотень?

– Киккава.

– Хорошо, Киккава, – ожесточился я, – я стал твоим гостем, хоть ты и не ждал меня. Я поел и попил у тебя в доме, умылся и поспал, накормил лошадь. Скажи, я получил что-либо сверх того, что может получить обычный гость при обычных обстоятельствах? Забрал ли я у тебя последний кусок еды или глоток чая? Нет?

– Нет, господин, всего этого у меня в достатке и даже в избытке.

– Так я и думал. Значит, ты напал на меня исключительно по своей злобе, Киккава. И, значит, ты заслуживаешь того, чтобы тебе преподали урок. Твой хвост останется у меня до тех пор, пока ты не дашь мне того, на что гость рассчитывать уже не может и не должен. Это будет цена выкупа. Не знаю, что это будет такое. Придумай сам, что может быть вершиной гостеприимства. Придумаешь и исполнишь, – что ж, хвост будет твой!

После этих слов Киккава взвыл уже совсем по-звериному, крутнулся на месте, будто гоняясь за несуществующим хвостом, и... исчез!

Я остался один. На востоке уже разгорался ранний летний восход. Жар от горящего дома не давал замёрзнуть в утреннем холодке. Настроение моё было отличное. Я почитал себя героем, одолевшим какого-то демона, и намеревался всем поведать о своём приключении и вдоволь нахвастаться. В тот миг я, конечно же, не представлял себе, какую лавину событий повлечёт за собой эта ночь.

VI

Когда стало достаточно светло, я оседлал лошадь и продолжил свой путь вдоль берега речушки. Кусты и деревья подходили к кромке воды вплотную, и я был вынужден двигаться по колену в воде, держа лошадь в поводу. Ехать верхом я тоже не мог: ветви нависали так низко над водой, что даже пешком я был вынужден то и дело пригибаться и придерживать ветви, чтобы моя лошадь могла спокойно пройти. Всё это превращалось в тяжёлое испытание. Ноги то и дело скользили на мелкой гальке, вязли в ней, или, напротив, я ударялся ногой о крупный камень на дне. Да и вода была довольно холодной, так что очень скоро я основательно замёрз.

Вскоре стало припекать, однако растительность была такой густой, что ветви деревьев одного берега во многих местах почти переплетались с ветвями деревьев другого. Из-за этого вдоль речки почти везде сохранялись тень и сырость. Сначала я обрадовался, что это поможет укрыться от дневного зноя, однако вскоре тучи комаров стали допекать меня и мою лошадь. В общем, путь был совсем не в радость: бредёшь то по грязи, то в воде, ветки хлещут по лицу, комары кусают.

Настроение моё быстро испортилось. Вчерашние геройства и приключения начали меркнуть и отодвигаться на второй план на фоне сегодняшних мучений.

К вечеру ручей вывел меня к берегу довольно обширного озера. Невдалеке показалась лодка с одиноким рыбаком. Я окликнул его и спросил, что это за место. Поначалу он испугался меня, появившегося прямо из леса, но затем, увидев мою приличную одежду и хорошего скакуна, проявил уважение и ответил. Название местности и озера ничего мне не говорило, я понял лишь, что нахожусь от замка Шика довольно далеко.

Я назвал себя рыбаку, и он не поверил мне, однако я пообещал заплатить ему за ночлег. Ту ночь я провёл в деревеньке на берегу озера. Утром меня и лошадь переправили на другой берег, откуда можно было добраться до проезжей дороги. Рыбаки не знали, в какой стороне находится замок, но сказали, что на тракте я обязательно найду провожатых. Они снабдили меня едой и водой. Я щедро расплатился с ними, хотя они так и не поверили, что я княжеский родственник.

Действительно, к полудню я выехал на тракт и там быстро сориентировался, куда мне направиться дальше. По всей видимости, мне предстояло несколько дней добираться до замка, настолько далеко меня занесло. Впрочем, на тракте, где оживлённо двигались купеческие повозки, я приободрился. Теперь всё окружающее становилось мне знакомым, хотя в голову пришли и некоторые неоднозначные мысли. Тогда я впервые подумал вот что: «Уже прошло много времени, как от меня никто не получал никаких вестей. Я пропал на охоте и никто, кажется, не ищет меня. Встреченные подводы торговцев и крестьян не проявляют ни малейшего интереса ко мне, только лишь должное почтение. Выходит, никаких поисков не ведётся? Меня, члена княжеской семьи, никто не ищет!». Но я успокаивал сам себя: «Быть может, эти простолюдины из другой части страны, и они не слышали о поисках. Может, они ничего об этом не знают, тем более, что искать-то меня надо в лесу, а не на тракте».

Всё же какое-то сомнение начало терзать меня. На ночь я остановился на постоялом дворе. Я вновь назвал себя, не скрываясь. Хозяин после поклона смерил меня оценивающим взглядом. Наверное, он испытывал большие сомнения в моих словах. Он видел мои грязные ноги и помятое платье, но при этом одежда явно стоила дорого, лошадь отличная, и у меня при себе имелись деньги. Как бы то ни было, он отвёл мне лучшую комнату забрал одежду, чтобы привести её в порядок.

Уставший, я залез в горячую воду, которую налили в деревянную бадью под навесом на улице, и велел хозяину, собиравшему мою одежду, немного задержаться. Я хотел расспросить его.

– Скажи мне, охота князя ещё идёт или уже закончилась?

– Я не знаю, мой господин. Все прошлые дни леса вокруг были полны всадников и загонщиков, но вот уже третий день никого не видать. Всё это время мы только и слышали, что лай собак да крики охотников, а сейчас тишина. Только ветер шумит в горах.

– А не слыхал ли ты, не было ли каких случаев на охоте?

– Говорят, князь самолично убил огромного вепря, и ещё говорят, что добычи столько, что в замке Шика её раздадут всем желающим.

– А не знаешь ли, пропал ли кто на охоте?

– Говорят, какой-то княжич до сих пор не вернулся в замок. Но он как будто бы отъявленный повеса, и это никого не удивляет.

Хозяин сказал последнюю фразу, но тут же осёкся и через пару секунд рухнул на колени и уткнулся лбом в пол. Он заревел и запричитал жалобно:

– Мой господин, простите меня, дурака. Это всего лишь чужие досужие рассказы, а я, глупец, их повторяю. Простите, что я сразу не признал вас и не понял, кто вы есть! Я видел вас в ближайшей свите князя, когда он проезжал по тракту. Вы уже как-то раз останавливались в моей гостинице. Простите меня и пощадите!

Нужно сказать, что мой образ при дворе и вправду был не самым благоприятным. Меня считали легкомысленным гулякой и повесой, который не прочь выпить в компании друзей, человеком, которому нельзя доверять какое-либо ответственное или важное дело. У меня действительно были случаи, когда я по нескольку дней кряду пропадал, перебираясь из одного игорного дома или кабака в другой. В своё оправдание скажу, что сейчас я совершенно другой человек, много повидавший и изменившийся, а тогда я был молод и, вероятно, глуп. Каждый раз после таких походов я на несколько недель успокаивался, начинал усиленно заниматься, отдавая всё время книгам и упражнениям с оружием. Я пытался как бы возместить своё бестолковое поведение более правильным. Но проходило какое-то время, мне становилось скучно, и я начинал тяготиться такой умиротворённой жизнью. В деньгах у меня не имелось недостатка, так что я легко вставал на скользкую дорожку вновь, до следующего исправления. И как я уже говорил, самыми близкими моими родственниками были дядя-князь и его семья. Они не проявляли ко мне ни малейшего интереса, только дядя иногда читал мне наставления, но никогда не настаивал на чём-либо и не наказывал меня никоим образом. Рядом не находилось ни одного человека, который был бы мне по-настоящему близок, и который мог бы остановить меня в пьянстве и распутстве. Только я сам своими силами смог бы это сделать.

Хозяин гостиницы продолжал причитать, а я сидел в ванне, задумавшись и не замечая его. Так продолжалось, наверное, минут десять. Хозяин даже успел притомиться от своих переживаний, он замолчал и лишь изредка всхлипывал, уткнувшись лицом в мокрый пол. Наконец, я вышел из задумчивости и сказал ему:

– Ладно, я не зол на тебя. Помоги мне помыться, дай поужинать, и я буду спать. И пусть никто не беспокоит меня. Да, и позаботься о моей лошади.

Хозяин вскочил, прославляя меня и мою доброту. И правда, вы скорее всего слышали, что на Островах благородные люди, имеющие право носить меч, нередко пускают его в ход по малейшему поводу, особенно в отношении простолюдинов. Боюсь, когда-нибудь эта несдержанность и жестокость вернётся нам сторицей.

После бани я поужинал и лёг спать. Предварительно я спрятал свой трофей – лисий хвост – под свою постель. Мне хотелось избежать вопросов, которые могли бы возникнуть у хозяина или служащих, ведь не каждый день встретишь человека, который за пазухой носит хвост лисы. Впервые после той ночи в волшебной хижине я спал в чистой и удобной постели, достойной моего звания. Что ни говори, а та гостиница на тракте была высокого разряда. Вероятно, в комнате, которую мне отвели, и останавливался князь Ёшида.

Я долго лежал, глядя в потолок, размышляя о том, почему же меня никто не разыскивает, находя тысячу причин для этого, одна другой лучше. Я чувствовал и свою долю вины за тот образ, который видели во мне окружающие. Поглощённый этими мыслями, я задремал.

Внезапно я почувствовал, что нахожусь в комнате не один. Я открыл глаза и потянулся к мечу, лежащему рядом с ложем, как и всегда. Тут я увидел, что рядом с моей постелью на расстоянии вытянутой руки сидит прекрасная девушка. Она была очень красива, таких глаз и волос я не видел никогда в жизни. Казалось, что в её глазах отражается поток воды, и в них можно было смотреть бесконечно, как и на текущую реку. А в чёрных волосах переливался свет луны, заглянувшей в окно, и это было похоже на игру лунного света на спокойной глади озера.

Черты её лица были тонкими и благородными. Не знаю, покрывали ли её лицо румяна или нет, но мне показалось, что её лицо и её белоснежное кимоно сияют каким-то странным светом. У меня даже в мыслях не возникло приблизиться к ней хоть чуть-чуть, привлечь её к себе, хотя мне стоило лишь протянуть руку. Столько благородства и чистоты было в ней, что я почувствовал смирение и робость.

В руках у неё был цинь искусной работы.

– Кто ты? – прошептал я. – Тебя послал хозяин?

Она печально улыбнулась мне и начала играть. Сначала очень медленно и неторопливо, потом быстрее. Такой прекрасной игры и такого проникновенного пения я не слышал нигде и никогда до этого. В лучших игорных домах можно встретить замечательных исполнителей, можно даже сказать, великолепных, однако им всем было далеко до этой девушки, все они меркли перед ней.

Её песни были грустны и печальны. В другие времена я потребовал бы песен о сражениях и приключениях, по крайности, о любви. Она же пела о разлуке с отчим домом, о чужбине, о родных местах и семье. Такие простые вещи, никакой доблести или приключений. Некоторые строки так и врезались мне в память, хоть прошёл не один год, так и сохранились в сердце.

На морском берегу
Волны уйдут и придут,
Только ты – всегда от меня...

Или вот:

Весною все сердца полны надежды,
Но для меня зима всё не проходит,
Ведь я в чужом краю,
Далеко от отчего дома.

Было совершенно понятно, что на душе у этой девушки печаль и грусть, но она ни разу не спела ничего о любви, значит, ей грустно по каким-то другим причинам. Почему-то меня это обрадовало. Я слушал её стихи, которым она подыгрывала, её песни, и при этом несколько не хотел даже попытаться развеселить её. Более того, я лежал на боку, любясь ею, слушая её музыку, и боялся пошевелиться, чтобы не спугнуть настроение. Мне казалось, что иначе всё волшебство в комнате развеется. Мы были с ней вдвоём во всём мире, и не было ничего больше в целой вселенной.

Долго ли это продолжалось, я не знаю. Я уснул, должно быть, убаюканный мелодиями. Всю ночь я проспал и видел чудесные сны о море, горах и родных местах. Мне казалось, что я вижу лица родителей, но я мог и ошибаться, ведь я не встречался с ними много-много лет.

Утром я пробудился с первыми петухами, чувствуя себя необыкновенно отдохнувшим и бодрым, собрался и вышел из комнаты. Я отыскал хозяина гостиницы на кухне, где он уже

командовал прислугой. Увидев меня, все согнулись в глубоком поклоне и стояли так, пока я не заговорил с ними. Я отвёл хозяина в сторонку и спросил его полушутя:

– Ну что, ты так сильно испугался меня, что отправил её ко мне, чтобы я смягчился?

Хозяин похлопал глазами.

– Я не понимаю, мой господин, – промолвил он.

– Ну-ну, не отпирайся. Эта девушка просто какое-то чудо. Ты знаешь, она не должна прозябать здесь. У тебя хорошая гостиница, даже очень хорошая, но она со своим музыкальным дарованием заслуживает гораздо большего.

– Мой господин...

– Я понимаю, что ты много потратился на её обучение. К тому же ты теряешь, если она не будет больше выступать здесь. Сумма выйдет круглая, я полагаю, но мы ведь с тобой договоримся, а, старый плут?

– Мой господин, я, правда, не понимаю, о чём вы говорите. Я никого не посылал к вам, ведь вы же велели вас не беспокоить. Может быть, какая-то из моих девушек и пробралась к вам ночью, но, клянусь, что это она сделала на свой страх и риск. К тому же, среди моих слуг нет особенно одарённых на музыкальном поприще, тем более таких, которые бы понравились вам как человеку придворному и знающему толк.

Мне стал надоедать этот разговор, и я просто описал ему девушку, виденную ночью, и сказал, какие песни она играла и пела мне. Хозяин отрицательно покачал головой.

– У нас нет таких девушек, и никто из тех, кто есть, не умеет так искусно играть и петь, мой господин.

Я потерял терпение, топнул ногой и приказал ему привести ко мне всех его служанок и музыкантов, вообще всех девушек, которые есть в гостинице. Поднялась суматоха, раздались крики и причитания. Я видел неподдельный испуг хозяина и понимал, что он говорит правду, и все мои приказы напрасны. Но и остановиться я уже не мог, и не успокоился, пока не увидел перед собой всех девушек, каких удалось сыскать в гостинице. Это оказались и работницы, и служанки, и даже пара дочек постояльцев, которые со страху также присоединились к всеобщему показу.

Я быстро убедился в том, что никого, хоть чуточку похожей на мою ночную певунью, среди них нет. Мне стало неловко, и я извинился перед постояльцами и их дочерьми, а также перед хозяином гостиницы. Тот, похоже, испугался ещё сильнее и отказался от оплаты за ночлег.

– Выстави счёт, когда придёшь в себя, и перешли его в Олений замок. Можешь даже чуть зависить его за беспокойство, – сказал я.

Хозяин принялся благодарить меня, уверяя, что он лишь рад смиренно служить мне, моему дому. Ещё одна мысль пришла мне в голову:

– Послушай, хозяин, этой девушки здесь нет. Но ведь кто-то же играл в моей комнате и пел. Уверен, что ты ложишься поздно и встаёшь рано, думаю, ты должен был бы слышать это. Она пела в полный голос и играла не таясь. Так ты, по крайней мере, слышал музыку из моей комнаты?

Хозяин опустил глаза и промолвил тихо:

– Мой господин, после того, как вы ушли спать и отослали слуг, из вашей комнаты не донеслось ни звука. Один из слуг спал под дверью, на случай, если вам что-нибудь понадобится. Я уже спросил его, он также подтверждает, что никто не входил и не выходил. Но может быть, он что-то слышал.

Хозяин подозвал паренька, который ночью оберегал мой сон, и задал ему вопрос:

– Ты всю ночь провёл под дверью в комнату господина. Ты отлучался куда-нибудь?

– Нет, хозяин. Я спал под дверью, как вы сказали.

– Ты слышал что-нибудь из-за двери? Музыка или пение?

Паренёк посмотрел недоуменно на хозяина, потом на меня. Предугадывая его ответ, я услышал:

– Нет, хозяин, ни музыки, ни пения из комнаты господина не было слышно. Ночь была тихая и спокойная. Давно таких чудесных ночей не было.

VII

В Олений замок я добрался к вечеру того же дня. Всю дорогу я размышлял о своей ночной гостье, гадая, был ли это сон, или же всё произошло в действительности. Особенно меня волновало то обстоятельство, что никто из постояльцев и служащих гостиницы ничего не слышал. Может быть, я начал сходить с ума? Может быть, я вижу и слышу то, что другие не могут? Это пугало меня. Однако, музыка и пение, слышанные мною прошедшей ночью, наполняли мою душу покоем и радостью. И если таково моё сумасшествие, то я готов был принять его без раздумий.

О том, ищут ли меня, или нет, я как-то уже и не думал. Теперь это казалось мне не особенно важным. Когда я подъехал к воротам замка, привратники тотчас узнали меня и выбежали навстречу. Мою лошадь приняли и увели, меня же любезно проводили в мои покои. Создавалось впечатление, будто бы за последние дни ничего значимого и не произошло, будто бы не было ни охоты, ни моего долгого отсутствия в замке.

Я задал слугам несколько вопросов, но они толком ничего не ответили. У себя в покоях я поговорил с моими людьми. Я не являлся значительной фигурой при дворе, но всё же у меня был небольшой круг воинов и придворных, служащих лично мне и как будто бы преданных. Насколько я знал, после исчезновения моих родителей почти все их вассалы перешли под знамёна моего дяди Ёшиды, и лишь небольшая горстка продолжила традицию и осталась верна мне. Возможно, это была лишь некая милость князя, так как своих доходов я не имел, значительных поместий тоже, а сам был полностью на его содержании. То же касалось и моих людей. Но как бы то ни было, князь был щедр, соблюдал традиции и приличия, так что я всё равно не нуждался и не чувствовал себя ущемлённым.

Мои покои размещались довольно далеко от покоев князя Ёшиды, в отдаленном крыле замка, и отличались небольшим размером и скромностью. Однако в них я был полновластным господином, и охраняли их мои воины, главой которых был Ямато Хайсин. Все мои люди были очень молоды, и никто из них не мог помнить моих родителей.

Не успел я войти на свою половину и распорядиться о ванне и ужине, как Ямато уже стоял передо мной.

– Мой господин! Хвала небесам, вы вернулись!

– Ямато, я рад видеть тебя, но я не понимаю, почему ты здесь? Ты начальник моей стражи и командуешь всеми моими людьми. Твой господин пропал, и ты должен был бы искать его повсюду, а не охранять пустые комнаты! Что скажешь?

– О, мой господин, – Ямато опустил на колени, – мы ещё во время охоты пытались искать вас. Однако князь Ёшида приказал в тот вечер возвращаться к замку и поиски прекратить. Во все следующие дни он велел всем вашим людям оставаться в ваших покоях и не покидать их до тех пор, пока он сам лично не распорядится. Так что даже сейчас, когда вы уже здесь, никто из ваших воинов не может выйти из комнат. Мы провели всё это время здесь и ничего не могли поделать, боясь нарушить княжеский приказ.

Моим первым побуждением после слов Ямато было немедленно отправиться к дяде и потребовать, чтобы он разъяснил положение вещей. Однако я сдержался и почёл за лучшее предстать перед ним завтра утром, чистым и отдохнувшим. Уже опускалась ночь, а мой дядя очень не любил, если его беспокоили поздним вечером. Он всегда предпочитал оставлять вечернее время для своих личных нужд, было известно, что он обычно рано ложился спать, либо же просто читал в тишине.

В общем, я принял ванну, поел, поговорил с Ямато, хотя и не рассказал ему ничего о своих приключениях. Сказал лишь, что заблудился и долго плутал в лесу. По поводу того, что я вернулся одетый не в свою одежду, я оправдался тем, что моя пришла в негодность, и эту

я приобрёл у проезжего купца на тракте. Напоследок я приказал Ямато устроиться на ночь у дверей моей спальни и строго следить за тем, чтобы никто не входил и не выходил. Ему я мог доверять намного больше, нежели службе в гостинице.

Когда я остался один в комнате, я спрятал лисий хвост в тайнике, который сам когда-то сделал в полу под циновкой. Там лежали кое-какие деньги, несколько любовных писем и стихов, которые писал я сам и получал от придворных дам. В тот вечер я сделал нечто, чего не делал очень давно – перечитал все эти записки. Некоторые из них показались мне теперь чересчур откровенными, некоторые – вычурными. Но все они, и мои, и чужие, казались мне совершенно бесталанными в сравнении со стихами и песнями той девушки. Я ещё раз перечёл все письма и, не раздумывая дольше, бросил их в тлеющую жаровню с пахучими смолами.

Бумага тотчас вспыхнула, и через мгновение все эти легковесные стихи начали исчезать. Я прикрыл тайник и лёг спать. Что и говорить, я весь вечер гадал, увижу ли я вновь ту девушку. Я и желал этого, но и опасался. Что-то подсказывало мне, что всё связанное с ней не принадлежит к обычному миру, что происходит нечто сверхъестественное. Но её красота, очарование, музыка и песни были для меня сильнее и желаннее, чем какие-то смутные опасения и подозрения.

Сквозь сон я вновь услышал музыку и песню. Я открыл глаза. И вот, она здесь! Сегодня в другой одежде, но тот же цинь, и столь же ослепительно красива. Точно как и в предыдущую ночь, я был зачарован её видом, сиянием, исходившим от неё, мелодиями и песнями. Как и в предыдущую ночь в гостинице, я не смел коснуться её, хоть она и находилась совсем рядом. И, как и в прошлую ночь, я уснул, убаюканный совершенно неподобным волшебством.

Наутро я проснулся довольно рано и скорее вышел из комнаты. Ямато лежал под дверью и спал, но не успел я даже достаточно сдвинуть дверь, как он вскочил на ноги и занял боевую позицию. Признав меня, он поклонился и расслабился.

– Ямато, всё было тихо ночью?

– Да, мой господин. Ни в вашу комнату, ни вообще в ваши покои никто не входил.

– Ты не слышал никакой музыки ночью?

Ямато недоуменно посмотрел на меня.

– Вы же знаете, мой господин, что князь Ёшида не разрешает играть на инструментах ночью, если только сам этого не потребует. Так что нет, не было никакой музыки.

Честно говоря, я и не ожидал никакого другого ответа от него.

– Ямато, я иду к князю, а ты меня сопровождаешь, – заявил я и отправился к дяде.

Князь Ёшида уже проснулся и скромно завтракал у себя. Он совсем не удивился, увидев меня, а может, не подал вида. Завтракал он обычно в одиночестве, но по утрам он отличался большей благосклонностью к посетителям, нежели по вечерам. Его сыновья, мои двоюродные братья, имели свои собственные семьи и жили в другой части замка.

– Садись, племянник, выпей чаю со мной, – пригласил меня к трапезе дядя. Я, разумеется, не смел отказываться.

– Ты куда-то пропал в эти дни, – как ни в чём не бывало продолжал он, поднеся чашку ко рту. – Где ты был?

– Дядя, я заблудился на охоте, заплутал в лесу и не мог найти дорогу. Долго скитался и всё время надеялся, что встречу кого-то, кто мне поможет. Надеялся, что меня кто-то ищет, но так никого и не встретил, пока сам не выбрался.

Ёшида сделал ещё несколько глотков, глядя на меня поверх чашки. По его взгляду было невозможно сказать, о чём он думал. Он просто смотрел на меня, почти без всякого выражения, смотрел скорее дружелюбно.

– Видишь ли, я был уверен, что ты отправился в ближайший город. Мне докладывали, что тебе стала в тягость однообразная жизнь в замке, и, вероятно, ты решил, как и в прошлые несколько раз, поразвлечься в игорных домах. А кто-то даже заявил, что видел тебя там. Так

что мы и не беспокоились за тебя. И именно поэтому твоим людям я приказал не покидать замок. Зачем метаться по лесу, разыскивая тебя, если тебя там всё равно нет? Кроме того, это не выглядело бы красиво, если бы твои придворные пришли за тобой всей гурьбой в игорный дом, как будто ты совсем пропавший повеса и блудник. Я не хотел привлекать внимание к твоему исчезновению, чтобы сохранить твоё лицо. И, кстати, запрет для твоих людей на свободное перемещение снимается.

Ёшида замолчал. Он подлил себе и мне чаю. Я не знал, что сказать. Я был в полнейшей растерянности. На сей раз дядя как будто прислушался к моим мыслям.

– Ты сам виноват, Хару. Никого не удивляет, что ты куда-то пропал, ведь ты уже делал это множество раз и раньше. И раньше это бывали такие же неожиданные моменты, как и сейчас на охоте. Ты пропадал с празднеств и богослужений, торжественных приёмов, днём и посреди ночи. Ведь ты же всегда стремился показать, какой ты самостоятельный и независимый – с одной стороны. А с другой, – что твоё место при дворе не ценится должным образом. И с чего ты это взял?

Я пытался что-то возразить в свою защиту. Никак не думал, что попаду на чтение наставлений в свой адрес. Однако Ёшида жестом заставил меня помолчать и продолжил:

– Видишь, какой образ ты сам себе создал? И вот в этот раз, когда тебе действительно была нужна помощь, когда ты в самом деле потерялся, никто не стал беспокоиться по этому поводу. Ты сам же приучил нас к тому, что твои исчезновения и побеги – это в порядке вещей. Подумай об этом и сделай правильные выводы, мой мальчик. Ты мне как сын, и я беспокоюсь за тебя.

И что я должен был ответить на это? От первого до последнего слова дядя был прав. Мне оставалось лишь просить прощения и уверять, что подобное более не повторится. Мы ещё поговорили какое-то время не как князь с вассалом, а как дядя с нерадивым племянником.

Ему я тоже ничего не рассказал о своих приключениях и ночных видениях. Что-то остановило меня. Я решил пока что держать всё в тайне. Что хорошего будет, если меня станут считать не только сумасбродным, но и сумасшедшим? Напоследок, когда я уже покидал его, Ёшида сказал мне:

– Не забудь, сегодня у нас большой пир. Наши гости из княжества Тигра не поймут, если ты не будешь присутствовать на нём. Наследник их престола Ан Ден Су спрашивал о тебе. Вы ведь сдружились, верно? Так что ты должен быть. Начни своё исправление с сегодняшнего дня. Хорошо?

– Да, конечно, дядя.

Я говорил ранее, что эта большая охота, с которой всё началось, была частью увеселений, связанных с гостившими у нас посланниками княжества Тигра. Одним из членов посольства был сам наследник престола Ан Ден Су, с которым у нас сложились неплохие отношения. В то время это государство искало союзников среди островных княжеств, а с нашим его связывала давняя дружба. Посольство возобновило многие прошлые договоры и заключило новые. Но это не относится напрямую к моей истории.

Остаток дня я разбирался с делами, которые накопились за последние дни и касались управления моим маленьким двором. Мои люди пробыли без меня довольно долго, и я должен был уделить им внимание. Так что весь день я то участвовал в совместных упражнениях, то рассматривал поступившие счета и бумаги.

К вечеру я переоделся и отправился на пир в большом зале. Он находился на самом верхнем ярусе замка и занимал большую его часть. Две длинные стороны прямоугольного зала были устроены так, что их стены можно было раздвигать и ещё больше увеличивать площадь за счёт террас. Одна из сторон смотрела на запад, другая – на восток. Можно было есть, пить, общаться и любоваться закатом или же восходом солнца. Но сдвижные стены имеют и ещё одно преимущество – они впускают свежий воздух и прохладу в зал. И сколько бы человек

ни собиралось, душно там не становилось никогда. В тот вечер, кроме большого числа людей, свежий воздух был необходим ещё и потому, что к ужину подавались преимущественно мясные жареные на вертелах блюда.

Кабаны и козы, подстреленные на охоте, теперь представляли перед нами совсем в другом виде. Вы знаете, наверное, что на островах едят совсем мало мяса. Мы окружены морем, и оно кормит нас. В то время как на материке всё наоборот. Так что тот мясной пир был предназначен главным образом для наших гостей. Честно скажу, что я до сих пор не очень хорошо переношу запах жареного мяса, хотя уже много месяцев живу со степняками, для которых мясо – это основная пища. А в те времена меня просто мутило от него.

Однако учтивость требовала моего присутствия, да и принц был рад видеть меня. Между нами возникла приязнь, может быть потому, что оба мы были схожи по характеру, оба ровесники. Мы смеялись шуткам друг друга, выпивали и веселились. Ещё до пира и до охоты, в прошлые дни, мы несколько раз тренировались вместе в стрельбе из лука, вместе посещали игорные дома и кутили, и нам было что вспомнить.

Пир закончился около полуночи. Князь не одобрял долгих ночных посиделок, не сделал он исключения и на сей раз, даже для гостей. Ан Ден Су предложил было мне продолжить кутёж, однако он уже выпил достаточно, а наутро предполагался отъезд послов. Принц был вынужден подчиниться старшим и сдержанным главам посольства и нехотя отправился спать.

Я же в отличие от своего новоприобретённого друга не был склонен продолжать гулянку. Сегодня наступала третья ночь, три – всегда особое число. Если она появится и сегодня в моей опочивальне, то что-то будет по-другому. Я это чувствовал. То, что девушка может и не появиться сегодня, – такой мысли я вообще не допускал.

Я быстро помылся, отдал приказы Ямато и другим людям, и поскорее уединился в спальне. Не успел сон прийти ко мне, как послышалась тихая, печальная музыка рядом с постелью.

То была она. Всё такая же прекрасная и светящаяся как будто бы изнутри. Я слушал её пение, погружаясь в сладостные дрёмы, однако в какой-то миг я сделал над собой усилие. Я широко открыл глаза, прогоняя сон, и протянул к ней руку. Я смог лишь кончиками пальцев коснуться края её шёлковой одежды и почувствовать тепло, исходящее от неё.

– Как тебя зовут? – спросил я едва слышно.

А может, я даже и не произносил слов вслух, может, только думал, что произношу их. Так же, то ли взаправду, то ли в моих мыслях, прозвучал её ответ. Он прозвучал не сразу. Я ощутил, что она не готова назвать своё имя, или же испытывает сильнейшее смущение. Удивительно, она не смущалась петь у моего ложа, однако стеснялась вслух сказать своё имя. Но всё же я смог расслышать что-то вроде шелеста или шёпота из её уст:

– Кицунэ...

Мои глаза закрылись, и я сладко уснул.

VIII

Утром следующего дня я только и делал, что напевал себе под нос её имя на все лады: «Кицунэ, Кицунэ». Напевал и мурлыкал. Вот она – третья ночь! Тройка – магическое число, и в третий раз всегда случается что-то такое, что отличает его от всех других. Я узнал её имя, и это сделало третью ночь особой и незабываемой.

Я находился в таком приподнятом и радужном настроении, что это, естественно, заметили и окружающие. Ямато, к примеру, сказал мне:

– Вы отлично отдохнули, господин, и выглядите счастливым. Я рад за вас.

Другие тоже что-то говорили. К тому моменту, когда мы спустились во двор провожать посольство, я собрал уже немало любезностей и добрых пожеланий.

Делегация из княжества Тигра уже вся собралась во дворе замка. Кое-кто из них путешествовал в паланкинах, некоторые верхом. Предполагалось, что мы проводим их в порт Куяма, откуда они морем отправятся к себе на полуостров. Порт располагался довольно-таки далеко, в трёх днях пути от замка, на западном побережье острова Оленя.

Князь Ёшида с наследниками также участвовали в проходах, но лишь на полдня пути, с тем расчётом, чтобы к вечеру вернуться обратно в замок. Я же, как член правящей семьи, должен был сопровождать наших гостей до того самого времени, как они взойдут на корабли.

Принц Ан Ден Су был неподдельно рад провести со мной ещё и эти дополнительные дни. Мне тоже нравилось быть рядом с ним, так что путешествие представлялось хорошей и весёлой прогулкой. Да так оно и сложилось в конечном итоге.

Я не стану особенно останавливаться на этой поездке в порт Куяма. В моей истории она не занимает важного места. Только некоторые обстоятельства я должен отметить. Самое главное, за время пути мы с принцем по-настоящему сдружились. Поездка превратилась не просто в приятную прогулку, а в общение двух хороших товарищей, полных жизни, энергии и надежд.

В пути нам предстояло провести несколько ночей в гостиницах, и так сложилось, что из-за большого количества свиты, сопровождающих и охраны, мы едва-едва могли разместиться в придорожных гостиницах по несколько человек в комнате. Мы спали вчетвером: я, Ямато, принц и начальник его охраны, не помню его имени.

Что и говорить, в первую такую ночь в гостинице я ждал появления Кицунэ очень долго. Я дождался, когда последний из моих компаньонов уснёт, но напрасно. Она так и не появилась. Я был очень расстроен, ведь я только-только узнал, как её зовут, мне казалось, теперь что-то должно измениться, а она не появилась.

В то же время я понимал, что глупо было бы ожидать её прихода, когда рядом со мной столько чужих людей. Однако я был так расстроен, что все эти разумные доводы казались мне совершенно неважными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.